

Н А Н С И

ИЛИ

НЕВИННАЯ ЖЕРТВА
ЛЕГКОМЫСЛІЯ,

Истинное Англинское происшествіе.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

МОСКВА,

ВЪ ТИПОГРАФІИ ФЕДОРА ЛЮБИТЯ.

1810.

*Съ одобренія Ценсурнаго Комитета,
угрежденнаго для Округа Импера-
торскаго Московскаго Университета.*

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ!

Господину

ГЕНЕРАЛЬ - ЛЕЙТЕНАНТУ

и

разныхъ Орденовъ

КАВАЛЕРУ

ПЕТРУ ГРИГОРЬЕВИЧУ

БАРДАКОВУ,

усерднѣйше посвящаетъ

Переводившій.

ВАШЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО!

Любовь къ наукамъ всегда отлигала великихъ людей. Боги повѣрили судьбу Музъ однимъ благороднымъ и чувствительнымъ душамъ. Черные Негры никогда не слушаютъ мелодіи Аполлона. Холодные Лапландцы не трогаются звуками сладкопѣсненнаго Орфея. —

Порфиросцы устраивающіе счастіе милліоновъ — Герои посѣдѣвшие подъ лавровыми вѣнками — Судьи измѣряющіе на Ѳемидиныхъ вѣсахъ правду и истинну — Благородныя и чувствительныя души стонающія вмѣстѣ съ страждущимъ теловѣстvomъ: вотъ ихъ Меценаты! вотъ ихъ покровъ!

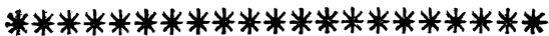
Ваше Превосходительство! Сія мысль рождаеть и во мнѣ бодрость сей малый трудъ мой украситъ Вашимъ именемъ. Одинъ взглядъ, одно одобрительное слово Ваше поощрятъ къ высшимъ успѣхамъ того, кто съ истиннымъ почитаніемъ и сердечною преданностію пребудеть навсегда:

ВАШЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА!

Милоспивѣйшаго Государя!

покорнѣйшимъ слугою

Давыдъ Топольскій.

Н А Н С И.

*** ** * * * * *

Легкомысліе и ревность, сіи ужасныя болѣзни, поражающія духъ человѣческій, можешъ бытъ сущь найопаснѣйшія и въ поже время очень трудно изцѣлимыя ; они заставляющъ насъ дорого цѣнишь самое ослѣпленіе , въ которое насъ заводящъ , а убѣгащъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ всего того, что могло бы дасть намъ свѣщъ. Хотя обѣ они показываются подѣ различными видами , но дѣйствія ихъ часто бывающъ одни и шѣже. Ревность, не разлучный спущникъ подозрѣнія, предается ему совершенно и приуговляешъ сама

для себя ядъ пожирающій ее. Легкомысліе напропивъ , ничего не подозрѣваетъ и спремится къ своей гибели безъ малѣйшаго опасенія , и не прежде примѣчаетъ пропасть впереди , какъ провалившись въ нее. Сколько картинъ представляющъ намъ пагубныя слѣдствія сихъ двухъ источниковъ заблужденій и злополучія. Если бы сіе приключеніе читано было не безъ пользы опъ шъхъ, копорыхъ можно еще поспавить на прямую дорогу; если бы оно пронуло ихъ, было для нихъ наспавительно, чшобъ послѣ недосталось имъ проливать слезъ о ихъ мудрости, о ихъ счасшіи.

Нанси приближалась уже къ шестнадцатому году своего возраста, въ копоромъ обыкновенно въ ея полъ разкрывающся наружныя пріяшности. Молодая Миссъ не могла желать больше красоты, она по-

ражала взоры всѣхъ. Сирѣ Герсфордъ, отецъ ея, который своимъ состояніемъ одолженъ былъ милоспіямъ двора, умеръ скоропоспыжно, оставивъ въ наслѣдство женѣ своей и дочери доходу сто гвиней. По сему они въ своемъ новомъ состояніи должны было заключить себя въ тѣснѣйшіе границы: но они не могли имѣть столько духа, они не призывали въ помощь мудрости, размышленія, удаленія отъ большаго свѣта, вкуса къ уединенію, строгости нравовъ, приличествующей посредственному состоянію и доставляющей ему удовольствія совсѣмъ неизвѣстныя блеску и богатству; они не знали сей умеренности, которую можно назвать состояніемъ бѣдности, и которая защищаетъ ее отъ всѣхъ суровостей и гоненій фортуны. Сердце Нанси было уже довольно испорчено худыми началами того, что такъ несвойственно назы-

заютъ хорошимъ воспитаніемъ. Все
объщало въ сей молодой особѣ ха-
рактеръ самовластной Лади, хит-
рую полишку, странное и грубое
своенравіе, непреклонную упорность,
ловкое кокетство и другіе смѣшныя
склонности, которыя опличаютъ
у насъ женщину вышшаго состоя-
нія и дѣлаютъ ее къ стыду нашихъ
соотчичей, любезною въ глазахъ ихъ,
въ то же время унижая ее. Нанси
однако показывала еще добродѣтели
и честность, которыя гораздо пере-
вѣшивали ея недостатки. Мать ея
незамедлила выйпить изъ сего за-
блужденія, которое было остаткомъ
опьяненія прошедшаго ихъ счастья:
она открыла глаза, дала настоя-
щую цѣну своимъ знакомствамъ, и
увидѣла, что многочисленныя посѣ-
щенія ею принимаемыя, были осно-
ваны на той припворной и убій-
ственной радости, которую вкуша-
ютъ большая часть людей, достав-

ляя себѣ блаженство на щетѣ слезъ другаго; она почувствовала, что несчастіе вдыхаетъ всегда почпи въ счастливыхъ, приближающихся къ нему, оскорбительное дружество, что сіе мнимое участіе, которое берутъ въ несчастныхъ, соединено всегда съ холоднымъ презрѣніемъ, и что гордое покровительство никогда не можетъ имѣть соспрудательнаго добродушія; она легко могла догадаться, что прелести ея дочери привлекали сію толпу знакомцевъ спольже опасныхъ какъ и праздныхъ; и дѣйствительно, кто можетъ сомнѣваться, чтобы виды сихъ модныхъ оболъспителей, на прекрасное, но несчастное твореніе, не были дерзски и пресупны? — Видѣть себя лишеннымъ того уваженія, которое такъ много льститъ нашему самолюбію, вотъ несносная обида, которую испытываетъ несчастный! никто не любитъ умно-

жать числа вышшихъ себя, а несчастный во всемъ окружающемъ его видяшъ своихъ владыкъ.

Но Нанси не такихъ была мыслей какъ ея мать ; всѣ предметы казались ея глазамъ подъ другою почкою зрѣнія. Будущее представляло ей блистательный бракъ , который возведетъ ее на верхъ счастья и достоинствъ. Вотъ на какихъ планахъ опирались ея надежды. Ничто не останавливало полъта ея высокомерія ; по ея мнѣнію въ прехъ Государствахъ не было ни одного Барона , которые бы не прибъгли вздыхать у ея ногъ. Милордъ Герцогъ будучи въ спектаклѣ сильно всматривался въ нее , и послѣ сихъ взглядовъ она предалась всей крайности самолюбія. Мать успрашенная видимою опасностію , къ которой спремился ея дочь , вздумала принять на себя важнѣйшій видъ.

Нанси, сказала она ей въ одинъ день, ты заставляешь меня спрашиваться. . . . Дочь моя! выслушай меня, я говорю тебѣ это не съ маперинскою строгостію, но съ ласками и нѣжностію чистѣйшей и истинной дружбы. Дочь моя! это твой другъ, твой единственный другъ, который прижимаетъ тебѣ къ своему сердцу, орошаетъ своими слезами, онъ изпекаютъ изъ моего сердца, останешся ли твое нечувствительнымъ? — Я хочу тебѣ указать ужасную пропасть надъ коюрою ты стоишь. Нанси! я сдѣлала непростительную ошибку: я тебѣ сознаюсь въ томъ, и хочу ее загладить. Я забыла, что наше положеніе самое ограниченное, что ты имѣешь нѣкоторыя прелести содня на день разцвѣтающія; но сіи прелести составляютъ самое слабое отличие, если не будутъ соединены съ добродѣтелію. — — Съ добро-

дѣшелію! . . . Не прерывай меня
Нанси! Немного пребуешься оспо-
рожности, что бы не запятнашь
чистоту добродѣтели, отъ кото-
рой и малѣйшее опспуленіе вле-
четъ за собою пагубныя слѣдствія.
Нанси, знай, что когда мы будучи
несчастливы, предаемся разсѣянію и
обществамъ, очень рѣдко бываетъ,
чтобъ сіи общества уважали насъ.
Насмѣшки здѣсь неразлучно соуп-
ствуютъ презрѣнію, и мы не долж-
ны въ томъ переувѣрять себя, что
бы мнимая чувствительность чело-
вѣческая необманула насъ. Несча-
стныхъ вездѣ презираютъ. Вотъ
чувство, которое мы въ нихъ воз-
буждаемъ! оно прикрывается личи-
ною наружной обманчивой учпиво-
сти. Опважимся испытать сіе и
увѣримся. Скажемъ, что мы несча-
стны, и что по сему шиплу мы
не принадлежимъ уже къ большому
сѣшу, и что въ немъ одинъ подлый

Порокъ можешъ дашь намъ бытіе.
Ахъ! какое бытіе, любезная Нанси.
Соберемъ наши силы, научимся до-
вольствоваться собою, любимъ
уединеніе. Завтра мы отправимся
въ деревню; тамъ посвятимъ себя
безмолвію, гдѣ ты научишься всему
тому, что можешъ образовашь му-
дрыя и непорочныя нравы; чрезъ
уединеніе мы заслужимъ почтеніе
всего свѣта, въ которомъ можешъ
быть здѣсь скоро намъ откажутъ,
и прекратимъ тѣ посѣщенія, копо-
рыхъ рано или поздно ты будешь
жертвою.

Нанси, въ первое мгновеніе при-
няла съ удовольствіемъ предложеніе
своей матери: но предавшись размы-
шленію, или лучше сказать, ложнымъ
наущеніемъ суешности, охладѣла.
Весны однообразную жизнь! имѣшь
прелести и неимѣшь онымъ свидѣ-
нствя! словомъ: быть красавицею

для грубыхъ только деревенскихъ жишелей! это преобразование было для нее самой смерти несноснѣе. Тамъ, гдѣ мать ея видѣла опасности, заблужденія и неизбѣжную погибель — ей казалось это позволеннымъ удовольствіемъ, — въпренное кокетство, копорымъ оскорблялась добродѣшель — почишала она невиннымъ искусствомъ нравиться, которое налагаетъ цѣпи; не бравъ въ плѣнъ — придаетъ блескъ уму и — неопнимаетъ никогда свободы у сердца.

Нанси посему твердо рѣшившись никогда не оставяшь города, употребила ласки — прозьбы — слезы, что бы пронуть свою мать. Изъ всѣхъ слабостей, материнская кажется есть самая успешивая. Нанси взяла верхъ. Они остались въ Лондонѣ и не прерывали принимашь многочисленныхъ посѣщеній; а не-

Счастливая мать смотрѣла съ печалію на дочь свою, окруженную кучею обожателей, спарающихся только завести ее въ заблужденіе и льстивыя ея суешности.

Слейманъ былъ первый изъ всѣхъ красавцовъ, составлявшихъ число ея знакомцовъ, приходившихъ къ ней на чай. Онъ почти всегда надрывался на конныхъ рыспалищахъ, говорилъ объ нихъ съ чрезвычайными закладами, зналъ счастливую магію размножаться и вдругъ и въ одинъ день являлся на спектакляхъ Друриланскомъ, Гай-Маркетскомъ, Гайд-Паркскомъ, Вокс-Гальскомъ, Ранелагскомъ. Онъ умѣлъ клясться краснорѣчиво и съ ловкостію боксироваться *).

*) Способъ биться у Англичанъ, гдѣ мѣняютъ сперва въ голову а послѣ въ брюхо.

великій герой прапшировъ, охотникъ къ ловли до безумія и Корифей Марибоскихъ своевольниковъ — путешествовалъ съ великою пользою, привезши съ собою все то, что только есть страннаго у нашихъ соседей, и — съ Брипанскою въпренностию онъ соединялъ Испанскую важность; — зналъ играть со вкусомъ Аллегра Ганделя; онъ былъ главнымъ папрономъ виртуозовъ; словомъ: Слейманъ съ тѣхъ поръ, какъ Богъ сотворилъ Бароковъ, въ семь родъ людей былъ одно изъ прекраснѣйшихъ и самыхъ гнуснѣйшихъ твореній существовавшихъ когда-либо на семь шаръ.

Легко можно себя представить, что такой чудакъ былъ очень въ себя увѣренъ, что бы понравился; и въ самомъ дѣлѣ все споспѣшествовало поддерживать его въ сей лестной надеждѣ. Двадцать въпреницъ

самаго высокаго роду , по его мановенію гошovy были уже слѣдовать за нимъ въ храмъ Флопшы *). Имѣя споль блистательное уваженіе, какъ не могъ онъ надѣяться обратиться на себя взоры Нанси? Онъ записалъ уже свое имя въ книгу своихъ удачь. Онъ недавно получилъ свое шипло и свое имѣніе. Онъ искупилъ всѣ ей богатыя подарки такъ какъ назначенный женихъ. Нанси, которой характеръ былъ очень склоненъ пожертвоватъ природою и истинною удовольствіямъ — модѣ и глупому приспраспію ко всему тому , что Англія имѣетъ прекраснаго, не могла не отличить Барона между его соперниками. Она почитала себя любимою : будучи увѣрена , что сей

*) Въ семъ то храмѣ соединялись легко бракомъ прежде обнародованія акта запрещающаго такіе связи , сполько прошивные законамъ и выгодамъ фамилій.

любовникъ желаетъ сдѣлаться ея супругомъ, она всегда принимала его съ удовольствіемъ, которое ее обманывало; должно было, что бы Слейманъ обяснился: онъ здѣсь показалъ всѣ восторги любви, но ни слова не упомянулъ о бракѣ. Предполагая въ сей фамиліи нѣсколько разсудительности и силы, онъ хотѣлъ ускорить свое злодѣйство; соорилъ планъ, который казался ему удивительнымъ и отбѣзжая на нѣсколько дней въ деревню, послалъ къ ней слѣдующее письмо:

„Я думаю, моя Прелестя, что вы не сумнѣваетесь въ моей любви и — что мы можемъ обойтись безъ всякихъ предварительныхъ комплиментовъ, которые наводятъ только скуку и тягость. Вы слишкомъ пріятны, ваши прелести слишкомъ разительны, что бы нечувствовать цѣны вашей побѣды. Вамъ нѣтъ

равной, божественная Нанси! и можно ли мнѣ бояться соперниковъ? Никто не любитъ больше меня. Умъ вашъ, который придаетъ вамъ въ глазахъ моихъ новыя красоты, безъ сомнѣнія свободенъ отъ ига предразсудковъ. Небесное творенье, не уже ли судить по способу низкой черни? Для чего учреждены законы? чтобы сковать тѣ рабскія души, которые сами пребуоуждаютъ наложивъ на себя цѣпи, которые не смѣютъ въричься самимъ себѣ, пащутся по пути имъ указанному и, которые неинако существуютъ, какъ только по довѣренности къ другимъ. Оставимъ сіи заспарѣлые предразсудки, неразсудительнымъ болванамъ. Спанемъ судить сами по себѣ, разсмотримъ наконецъ сіи цѣпи почищаемыя священными, которые тяжелая рука грубыхъ челоуковъ сковала, чтобы насъ ловить и вязать? Блаженство, милая Нан-

си! можешъ ли быть шамъ, гдѣ нѣшъ свободы? Быль созданы для того, что бѣ удерживать сердца, узами изобрѣшенными глунымъ обычаемъ симъ тираномъ, достойнымъ слабоумія проспаго народа; покаряющагося ему. Одна ваша краса, одна любовь, можешъ сдѣлать васъ моею повѣлипельницею; опѣя вы должны заимспвовать могущество: она выше всѣхъ законовъ и обычаевъ. Клянвы, копорыя произноситъ сердце, не суть ли самыя сильнѣйшія и священнѣйшія. Можно ли намъ просвѣщеннымъ и образованнымъ вкушать истинныя удовольствія нѣжности, когда они будутъ щипаться должностію? Это представленіе завспавляетъ меня въ самомъ дѣлѣ спрашиться. Будемъ свободны, милая моя, какъ воздухъ, копорой мы въ себя вдыхаемъ; будучи въ сѣспоянїи доспавимъ одинъ другому совершенно

счастіе ; было бы смѣшно , не про-
стишительно объ чемъ и подумать
не лзя , что бы кто-либо одинъ изъ
насъ захопѣлъ разлучиться ; я вся-
кой день открываю и обожаю въ васъ
новыя прелести ; бракъ . . . Какое
слово ! нѣтъ , нѣтъ вы никогда не
преспанете быть владычицей моей
души ; правѣше одной любовью , это
владычество неимѣетъ конца .

Сказавъ вамъ о нѣжности , кото-
рая развѣ съ жизнью моей погаснетъ ,
долженъ ли говорить я о счастіи ?
Ваша участь будетъ участью лю-
безнѣйшей и почтеннѣйшей женщи-
ны ; если смерть вырветъ меня
изъ объятій вашихъ , то всѣ имѣ-
нія будутъ принадлежать вамъ .

Еще разъ скажу вамъ , не ста-
немъ требовать совѣша у обычаевъ
и обрядовъ сихъ наставниковъ од-
нихъ глупцовъ ; послушайтесь раз-

ума, природы вашего сердца: оно не можетъ насъ обмануть; повѣрьте въ помѣ моему собственному опыту: уступимъ чувствамъ. Въ минушу, какъ къ вамъ пишу я, спую мысленно у ногъ вашихъ. Рѣшите мою участь; я увольняю васъ отъ подробностей формальнаго согласія. По моемъ возвращеніи изъ деревни я услышу приговоръ у ногъ вашихъ. Если вы не откажете себя видѣть, то довершите мое блаженство; тогда я не буду жить, какъ только чтобъ быть вашимъ любовникомъ, поклоняясь вамъ, обожая васъ до конца моей жизни. Но если присутствіе ваше запрещено мнѣ... Какой громовой ударъ! о Небо! должно ли отказаться отъ васъ навсегда?"

Вашъ вѣрный любовникъ.

P. S. „Мы примемъ распоряженія, которыя васъ уволятъ отъ проспонаторныхъ увѣщаній вашей

любезной и почтенной мапущки : въ такихъ дѣлахъ должно очень осперегаться просить совѣта у родителей ; оставимъ простодушнымъ симъ людямъ узду предрасудковъ . Вы меня понимаете , моя любезная ; клянусь , что любовь гораздо больше имѣетъ ума , нежели всѣ они , и мы ей повинимся , не правда ли ? Скажите да ! “

Нанси не успѣла прочесть сего письма , какъ побѣжала въ изступленіи приказать запереть ворота для безстыднаго Слеймана . Вътренность сей молодой особы не воспрепятствовало ей укрѣпиться въ добродѣтели . Она была довольна , не находя себя въ чемъ укорять : основываясь на семъ внутреннемъ признаніи она даже одобряла первыя свои идеи ; мать ея напрасно старалась открыть ей глаза на ея легкомысліе и даже обращаться съ нею

поспроже. Нанси употребляла свое обыкновенное оружіе, но естъ она знала завести масть въ ея слабость и взятьъ верхъ. Ея нескромная суешность даже щеславилась письмомъ Барона; она съ гордостію обнемъ говорила предъ знакомыми женщинами; — она глазамъ ихъ представляла Слеймана побѣжденнымъ непріателемъ, прикованнымъ къ ея колесницѣ, копорого побѣда придавала блескъ ея прелестямъ.

Она почитала сіе дѣйствіе самолюбія вѣрнымъ доказательствомъ своего остроумія и оправданіемъ внушающимъ почтеніе; кто хотѣлъ бы ея упрекнутьъ въ вѣтренномъ и легкомысленномъ поведѣніи; но довольно ли для шоржества добродѣтели бытъ увѣрену въ совѣсти? — Общее сужденіе возвышаетъ его, и не довольно бытъ невиннымъ для самаго себя; надобно бытъ такимъ и для другихъ.

Такое приключеніе должно бы послужило для Нанси вѣчнымъ урокомъ, но она мало на него обращала вниманія; — она переходила изъ слабости въ слабость и подпала подозрѣнію кошораго незаслуживала; — она позволила писать къ себѣ, не разсуждая о пагубныхъ слѣдствіяхъ, какія имѣютъ переписки ея пола; даже обвиняли ее будто она давала свиданія: всѣ наружныя виды уличали ее въ помѣ, между тѣмъ какъ она была только виновата въ неоспорожности къ послѣдствіямъ; — совѣщанія, угрозы, слезы ея маперы производили въ ней скоропреходящія дѣйствія; характеръ Нанси не могъ перемѣниться; суешность и вѣтренность овладѣли ею, и сіи два недостатка, къ кошорымъ свѣтъ имѣетъ слишкомъ много снисходительности, часто влекутъ за собою всѣ послѣдствія порока.

Спектакли составляли первыя удовольствія Нанси. Новая пѣса привлекла ее въ Гай-Маркетской театръ; она обратила на себя взоры всего собранія; никогда искусство не поддавалось ловче къ природнымъ красотамъ; на нее указывали какъ на образецъ вкуса въ нарядахъ; — она поправляла даже Французскіе моды; ея уборъ былъ въ сей день такой пріятности, которая дѣлаетъ красоту приманчивѣе нежели блескъ богатства. Одинъ молодой человекъ почувствовалъ больше всѣхъ, могущество прелестей Нанси. Онъ назывался Баншлей — онъ недавно возвратился Капитаномъ изъ Леванта на корабль, которой ему купилъ отецъ его. Довольно одной минутой, чтобы родиться спросямъ: — Баншлей пошчасъ забылъ спектакли — все его окружающее. Онъ ничего нечувствуетъ кромѣ побужденія любви,

поелику онъ былъ уже влюбленъ до безумія. Онъ не спускалъ глазъ съ Нанси; вся его душа съ его глазами была прикована къ сему единственному предмету; онъ горилъ желаніемъ знать имя, соспояніе, домъ сей прекрасной незнакомки, — все что онъ узнаетъ, воспламеняетъ его больше и подспрекаетъ его суетность: ему сказывали, что Нанси была изъ малаго числа пѣхъ обольстительныхъ женщинъ, копорые довольствуются только завоеваніями, умѣютъ наружу выспавлять остроуміе и таланты нравишься, изъ пѣхъ кокепокъ, копорые гораздо опаснѣе сострадательныхъ красенокъ закрубѣлыхъ въ порокъ; между пѣмъ Нанси вытѣснившись изъ кучи знакомцовъ и освободившись отъ разсѣянія, казалось прислушивалась къ словамъ матери, и въ скоромъ времени ни од-

ной изъ нихъ не лзя было различить въ толпѣ собранія.

Баншлей довольно мучился, что бы доставить себѣ свиданіе, будучи водимъ равно добродѣтелию какъ и любовію, онъ вознамѣрился писать къ матери молодой Миссъ. Онъ предстарилъ въ семъ письмѣ объясненія необходимыя къ предположенной имъ цѣли, и сильно просилъ быть допущеннымъ въ число тѣхъ счастливыхъ, которые дѣлаютъ посѣщенія ея дочери, въ надеждѣ удостоиться ея руки; сдѣлали развѣдыванія и — они были въ пользу Баншлея. Наконецъ онъ получаетъ желаемое позволеніе. Онъ лешитъ къ Нанси и заспаетъ мать одну. Планы стовора, близкій бракъ былъ предметомъ ихъ разговоровъ и — сему новому любовнику опвѣчали въ словахъ коропкихъ: что предложеніе его было для нихъ чувстви-

тельно ; но что Нанси лишенная
достоинства и богатства должна
избиратьъ себѣ супруга , которой бы
былъ свободенъ заключить скорой
бракъ. Баншлей зависѣлъ отъ воли
отца ; а мать Нанси была слишкомъ
умна ; очень знала обязанности чест-
ности , чтобы воспользоваться сла-
бостию молодого , влюбленнаго чело-
вѣка ; она нескрывала , что родите-
ли имѣютъ другіе виды нежели ихъ
дѣти , и — что они при бракѣ часто
смотрятъ только на одни равен-
ства и отношенія счастья , а не на-
сходство нравовъ и любовь ; — она
сказала : что Баншлей можетъ только
явиться съ согласіемъ отца предъ
глаза ея. Молодой человекъ смѣшал-
ся ; не зналъ что отвѣчать ; — онъ
зналъ непреклонность своей фами-
лии , которая будучи неприступна
для обольщеній любви : смотрѣла
лишь на богатства и уважала его ;
отецъ его не выбиралъ въ невѣсты

своему сыну, кромѣ дочери какого нибудь богача, копорая бы съ щадливостію имѣла шаланшы копипъ деньги. Но Нанси, кромѣ красоты и добродѣтели ничего неимѣла, но и сію спарались обезславипъ. Она вошла въ горницу: Баншлей былъ пораженъ ея прелестями. Онъ общалъ все. Они понравились другъ другу; и — Баншлей плѣненный своей повѣлипельницей, удалился.

Нанси, будучи одна съ матерью, изъясляла свою радость. Она уже видѣла у себя супруга достойнаго любви: копорой доставипъ ей и знапность и счастье. Самые блистательные химеры предспавлялись ея воображенію, въ какомъ величїи покажешся ея красота! Какъ унижены будущъ предъ нею другіе женщины, и — какое удовольствіе поржествовать надъ ними! Такъ молодая особа на канунъ стовора предается всей крайности восхищенна-

го самолюбія; она боится потерять изъ виду сіи столь пріятныя сновидѣнія; и истинна не прежде извлекаешь ее отъ опшуда, какъ когда уже нѣтъ больше времени пользоваться пробужденіемъ.

Мать Нанси имѣла съ нею обращеніе долженствовавшее предостеречь ее отъ сѣпей; въ которые легко ей было впасть. Дочь моя! говорила ей сія добродѣтельная и чувствительная мать: „Я смотрю съ прискорбіемъ, что ты безъ всякаго сопротивленія уступаешь всѣмъ призракамъ обманывающимъ тебя; только великія несчастія научатъ тебя, и раскаяніе будетъ бесполезно. Ты смотришь на Баншля какъ на супруга, котораго счастливый рокъ тебѣ посылаетъ. Открой глаза, моя милая Нанси: мы не богаты; не красота: но богатство заключаетъ браки, — Одно счастье соединяетъ супруговъ. Отецъ Баншля не позво-

лишь никогда чтобы сынъ его принялъ свою руку“. И почему же — сказала Нанси, не согласишься онъ на прозъбы своего сына? я надѣюсь, что нѣжность, которую я внушила Банплею есть выше всѣхъ случаевъ и своенравій его фамилии; развѣ не было примѣровъ. . . . Да, милая! вопль это и приводитъ въ заблужденіе молодыхъ особъ нашего пола. Ты хотѣла мнѣ сказать: я это понимаю очень — развѣ не было примѣровъ, что Миссъ Гарипонъ вышла замужъ за Вице-Короля Ирландскаго; что Лордъ Спарлей возвелъ въ достоинство Лади, дочь своего Секретаря; Милордъ Герцогъ Пемброкскій женился на Миссъ Беллѣ. Остановись на сихъ исключеніяхъ споль рѣдкихъ: но посмотри только въ часть Вест-Минстерскую на число жертвъ неопытности и глупой суешности, которые всѣ впади въ бѣдность и уничиженіе. Нѣтъ

ни одной изъ сихъ молодыхъ несчастныхъ особъ, которая бы не была въ глубинъ своего сердца увѣрена, что она могла бы быть женою одного изъ первыхъ Лордовъ. Наконецъ, моя Нанси, мы находимся въ такомъ положеніи, въ которомъ трудно поддерживать намъ свое состояніе. Мы не можемъ принимать посѣщеній Баншлея, какъ только съ симъ условіемъ: что бы отецъ его вшелъ въ его планы; что бы далъ ему свое согласіе. И я первая тогда благословлю сію спрасъ, которая приводитъ уже тебя въ заблужденіе... Дочь моя, спросишь чтобъ сердце твое тебя не обмануло. Любовь для нашего пола есть источникъ многихъ бѣдствій и неизгладимыхъ прощупковъ; именемъ дружбы (я не хочу брать на себя маперинской важности), заклинаю тебя, милая Нанси, недовѣрай слишкомъ споль дешнымъ надеждамъ; послушай

истинны — она говоритъ моими устами этой истинны, которую юность спарается отъ себя отразить. Повѣрь въ томъ моимъ слезамъ, онъ не могутъ тебя обмануть. Берегись зараждающейся страсти; которую сего дни легко еще подавишь.

Нанси была пронута нѣжными сими совѣтами; — она много разъ обнимала свою мать, и смѣшивала свои слезы съ ея: но спустя нѣсколько времени характеръ ея обыкновенно бралъ свой верхъ; она бросилась въ объятія призраковъ, которые ея воображеніе ей представляло. Должно ли это, что бы человѣческой умъ любилъ заблужденіе? Онъ бѣжитъ упорно впереди его очарованій. Онъ есть по несчастное насѣкомое, которое безпрестанно возвращается къ пламени пожирающему его.

Влюбленный Банплей спалъ смонрѣшь не своими глазами и перемѣнилъ способъ сужденія. Онъ льстился успѣхомъ скоро получить позволеніе своего отца, котораго до сихъ поръ онъ почиталъ неумолимѣйшимъ изъ человѣковъ. Онъ надѣялся, что время само доставитъ ему благопріятный случай, при которомъ онъ можетъ отважиться на объясненіе. Въ ожиданіи сей минушы, онъ не думалъ заляпнать своей чести, употребивъ хитрость и обманъ. До какой степени спросить можетъ унижить насъ и — въ какія постыдныя заблужденія вводишь насъ любовь! Банплей явился у матери Нанси, будучи подкрѣпленъ, по его словамъ, отцовскимъ согласіемъ; — Онъ не прерывалъ больше своихъ посѣщеній; всякую минушу нѣжность его становилась живѣе и онъ излилъ пламя пожирившее его.

Нанси старалась много упи-
шитьъ безпокойство своей матери,
которая наскучивъ наконецъ опсроч-
ками и подложными опговорками
объявила въ слухъ: — что Банплей
или долженъ поспѣшить женишься
на ея дочери или совершенно отка-
заться опъ ихъ сообществе. Сие
рѣшеніе, котораго нельзя было избѣ-
жать, было для несчастнаго любов-
ника смертоноснымъ ударомъ. Онъ
признался во всемъ своей любовницѣ,
которая смотря на побудительную
причину; простила ему сей обманъ.
Она сама даже сдѣлалась участни-
цей онаго; — старалась сдѣлать
мать свою игрушкою надежды, ко-
торая ее больше уже неослѣпляла;
ихъ хитрости были бесполезны.
Новые жалобы запрещенія, гораздо
рѣшительнѣйшія первыхъ, не являть-
ся какъ только къ олтарю, приве-
ли Банплея въ опчаяніе: будучи
побуждаемъ своимъ положеніемъ

шакъ какъ и чувствованіями, которыми больше не могъ онъ пропитаться — бѣжитъ къ своему отцу — упадаетъ къ ногамъ его и — орошаетъ ихъ слезами.

„Башюшка! вы видите меня у ногъ вашихъ, въ положеніи человека, который спрашиваетъ у васъ жизнь! — Такъ, я прошу теперь у васъ жизни. Я сдѣлалъ ошибку, которую поправитъ не въ моей волѣ. Башюшка! я осмѣлился заложить сердце безъ вашего согласія. — — — „Какъ! ты женился? прервалъ его старикъ грубымъ и суровымъ тономъ. — — —“ Нѣтъ! еще сіи священные оковы несвязываютъ меня; но, башюшка! я желалъ бы приложить ихъ къ шѣмъ, которыми любовь оковала меня навѣки. . . . Я люблю примѣръ красоты, добродѣтели и прелѣсней. . . . „Богаша ли она? — — —“ Ахъ, башюшка! сего

только малаго опличія не имѣешь она, я пришелъ. . . . — Раздраженный отецъ оттолкнулъ своего сына: „Желашь соединишься съ дѣвушкою и безъ имѣній! зашѣяшь о томъ одну идею! прочь съ глазъ! ты недостоишь меня! —“ Бапюшка! — ешьли бы ты былъ мой сынъ, то бы имѣлъ чувства гораздо возвышеннѣйшія — „Развѣ ты не знаешь, глупенькой, что одно богатство доставляетъ намъ уваженіе? Таланты, заслуги, прелести ничего незначатъ безъ богатства. . . . Развѣ твои книги тому тебя не научили. — Слабоумный! повѣрь въ томъ опытности; свѣшу; — Вотъ два наставника проповѣдующіе истинну; и — гдѣ бы ты былъ, ешьли бы я позволилъ романамъ вскружить себѣ голову? Я не имѣлъ ни шиллинга. Твоя мать была дурна и низкаго происхожденія; я старался ей по нравиться и женившись на ней сдѣ-

длся богатымъ, счастливымъ; счастье увеличивается по мѣрѣ богатства“. Ахъ, бабушка! вы по этому не знали еще счастья. Какъ приятно быть благодѣтелемъ предмета любимого нами! Какое бы было для меня удовольствіе отмстить за Нанси несправедливости рока. . . . „Я не берусь льстить тебѣ въ твоёмъ заблужденіи, ты меня знаешь. Я лишу тебя наследства, если хоть одинъ разъ возвратишься къ той женщинѣ; понимаешь ли меня? — Я оставлю тебѣ въ наследство мое проклятіе, — непоказывайся на мои глаза, какъ только твердо рѣшившись неговоришь о сей романической любви; и — забудь ее.“

Банплей пробормоталъ еще нѣсколько словъ задыхаясь отъ слезъ. Неумолимый старикъ оставилъ немилосердно его своему отчаянію.

Какія искушенія для души несчастнаго Баншлея! онъ не надѣется побѣдить спрасни, которая ему такъ мила, и которая всякой день беретъ новыя силы. Но какъ онъ увидитъ Нанси послѣ страшнаго приговора, произнесеннаго нечувствительнымъ его опцемъ? — снесетъ ли онъ ея присудствіе? и — что онъ скажетъ матери, ожидающей съ неперпнїемъ заключенія брака, отъ котораго оба любовники должны отказаться?

Онъ спалъ груститъ и его схватила сильная болѣзнь; одинъ изъ его друзей имѣлъ препорученіе извѣстить Нанси о его состояніи не открывая ей причины болѣзни. Въ первыя минушы выздоровленія старался онъ имѣть случай видѣться съ нею. Дочь и мать примѣтили въ немъ смущеніе, котораго не могли знать причины. Онъ по пе-

ремѣнно: то поднималъ глаза къ небу, то опускалъ на землю, то успрямлялъ на Нанси и заливался слезами; посѣщенія его были не въ обыкновенныя часы: казалось, вѣчное безпокойство преслѣдовало его. Когда заговаривали о бракѣ, копорой бы должно ему ускорить, тогда онъ измѣнялся въ лицѣ и отвѣчалъ прерывающимися и несвязными словами. Нанси сама брала участіе въ безпокойствѣ — глубокая меланхолія помрачала ея природную веселость; она не имѣла уже прежней живоспи и рѣзвосты.

Мать ея встревоженная ея состояніемъ и наскучивъ обѣщаніями, копорыя не имѣли никакого слѣдствія, сыскала средство ушайшь опѣ дочери своей отсудствіе и, пошла упрямъ къ опцу Банплея: введена будучи въ его горницу, она просивъ его на минушу на тайный

разговорѣ. Спарикѣ велѣлъ выйшишь своимъ слугамъ. Она была поражена пышностію богатства, которое блистало въ его домѣ и предчувствовала уже невыгодное для себя предсказаніе. Неизвѣстно по какому случаю богатство внушаетъ къ себѣ почтеніе а особливо въ бѣдномъ. Сія по униженности увеличиваетъ гордость богача и заставляетъ его думать: что его положеніе есть одно изъ первыхъ отличій природы. Если бы несчастливецъ былъ твердо увѣренъ, сколько величественно носить бѣдность не унижаясь, то бы онъ показалъ больше достоинства и его видъ приводилъ бы тогда въ смущеніе богача. Мать Нанси не знала сей твердости, кою ей должно было вооружить ея; она приняла на себя скромный видъ, и прерывающимся голосомъ, государь мой! сказала спарику, котораго гордость увеличивалась до мѣръ того какъ

она потеряла смѣлость свою. „Я машьшой особы, которую сынъ вашъ ищетъ въ супружествѣ; онъ увѣряетъ, что это съ вашего согласія. . . — „Какъ! не о Миссъ ль Нанси, говорите вы?“ Объ ней самой; государь мой! ея честность, мои уроки, мои примѣры, наше достоинство. . . — — — „Перестаньте, сударыня! сынъ мой подло обманулъ васъ, и — онъ неизбежно наказанія, имъ заслуженнаго; я не только неодобрилъ его глупости, но при томъ строго запретилъ ему видѣться съ вашей дочерью. Она не для него создана; и я удивляюсь, какъ вы могли себѣ вообразить, что бы такой бракъ былъ по моему вкусу. Счастье положило между нами такое далекое разстояніе. Если ваша дочь имѣетъ умъ, то можно ее приставить куда нибудь къ мѣсту и доставить сѣстояніе: но если она будетъ перешься въ мои невѣстки,

шо мы заставимъ васъ обѣихъ раскаяваться.

Несчастливая мать, оторченная сими обидными, для нея, словами, хотѣла опвѣчать: но только слезы лились ручьями изъ ея глазъ; она пошеряла употребленіе чувствъ. Вышедши изъ своего обморока она находить себя одну въ горницѣ и спѣшишь выйшишь, неся въ сердце смертную рану; пришедши домой, она ищетъ глазами своей дочери и ей подають письмо:

„Неимѣя столько силъ, чтобы съ вами говорить, ниже что бы снести ваше присутствіе, я пишу къ вамъ вознамѣрилась. Мрачная печаль снѣдавшая меня нѣсколько времени и которую я немогу больше переносить; глаза мои обремененные вѣчнымъ покомъ слезъ; всѣ признаки приближающейся смерти, которой я

ожидаю съ неперпѣніемъ, вынудили у меня мучительное признаніе. . . . Что я хочу сказать? что вы услышите? Самая почтеннѣйшая и самая нѣжнѣйшая мать оскорблена. — Такъ! я измѣнила Небу, вамъ и себѣ самой: знайте, мапущка! еспьли я доспойна еще произнеспи сіе имя, которое составляло все мое блаженство, когда я была невинна; — Знайте, что я достигла верха заблужденій. Банплей любилъ меня слишкомъ много. Онъ васъ обманулъ, увѣряя, будто имѣлъ позволеніе отца своего искасть моей руки; — онъ не только не получалъ его, но ему запрещено даже думать обо мнѣ, видѣть меня, но хранишь одно воспоминаніе о несчастной Нанси. Я вамъ необъявила сего ужаснаго запрещенія. Я сама его принудила молчать объ эпомъ, измѣняятъ истиннѣ и увѣряятъ васъ въ семъ согласіи, въ которомъ намъ навсегда

опказали. Я спаралась заглушить угрызенія совѣсти Баншля. Сколько разъ порывался онъ упасть къ ногамъ вашимъ и обвинить себя во лжѣ, копорой любовь была единственнымъ побужденіемъ. Мамушка! вы сами любили; мой отецъ былъ милъ для васъ: вы чувствовали, что мы виноваты противъ нашей воли и — я тысячу разъ виновнѣе Баншля. Не должны ли вы были имѣть всей моей довѣренности? Вы были самымъ лучшимъ моимъ другомъ; — но я презрѣла материнскую нѣжность — дружбу, законы. Обвиняйте меня во всѣхъ преступленіяхъ — я сознаюсь въ нихъ: поелику уважала отъ нѣжной матери проступокъ, за копорой, можетъ быть, заплачу очень дорого. Вы должны меня выслушать — у ногъ вашихъ заливаясь горькими слезами произношу я слова сіи: Мамушка! Баншлей мой супругъ!! . . . “

Какъ ! они обвѣнчались ? вскричала сія несчастная мать упавъ въ обморокъ изъ котораго едва вышла! — — „Такъ! мы соединены вѣчными узами , которые благословеніе ваше сдѣлаетъ священнѣйшими и — неразрывнѣйшими, — — Нанси и Баншлей между тѣмъ подоспѣвъ, упали къ ногамъ и произнесли сіи послѣднія слова, омочая землю своими слезами ; Нанси покрывала поцѣлуями руки своей матери и сжимала ихъ въ своихъ рукахъ. Несчастливая сія женщина открыла глаза произнеся крикъ. Ахъ , мадушка ! вы насъ не прощаете ? сказала ей Нанси. Баншлей продолжалъ : мы просимъ у васъ прощенія такъ — какъ единственнаго утѣшенія могущаго удержатъ насъ въ жизни. — — Подумайте, сударыня ! что вы наша мать ; что я за честь себѣ посмѣваю носить имя вашего сына. — Ахъ , не уже ли вы будете столько жестоко-

серды, какъ мой отецъ? . . . — —
У меня нѣтъ больше отца! — какъ
вы могли прищворяться до такой
степени? Ахъ, государь мой! не уже
ли я заслужила чтобы такъ со мною
поступали? И ты, моя дочь, ты
осмѣлилась дать пайное обязапель-
ство, презрѣвъ материнскую власць
и довѣренность! . . . — Развѣ я ее
незаслужила, — неблагодарная дочь?
при сихъ словахъ слезы полились
ручьями; она успокоившись опять
обратила рѣчь къ Баншлею: знай-
те, государь мой, что я сію мину-
шу видѣла вашего отца, копорый
вонзилъ кинжалъ въ грудь мою, ска-
завъ съ обиднымъ презрѣніемъ, за-
спавившимъ почувствовать мое по-
ложене, что моя дочь не должна и
думать о предложеніи вашей руки,
и — въ сію минушу какъ я умираю
обремененная униженіемъ и по-
скою — вы доканчиваете мое убій-
ство! Ахъ, несчастные! чѣмъ вы

будете? — Она обнимала ихъ попеременно, заливаясь горькими слезами и попомъ продолжала: такъ, вы мои дѣти; я уже забыла все то, что вы мнѣ сдѣлали; — какая будете ваша участь? Вы должны будете во всемъ принуждать себя; видѣться только украдкою; спрашась безпрестанно бѣшенспва опца, непремѣннаго въ своихъ намѣреніяхъ и копорато богатство сдѣлало неприступнымъ; и ты, моя дочь! ты обязана шайсья, что ты жена! что ты мать! — Мнѣ оспаешся мало жить и — я умру, увѣрена, что вы оба будете несчастны.

Съ сей минуты увеличивающаяся слабость болѣе и болѣе изнуряла ее. Она хотѣла сдѣлать выговоръ своей дочери, но материнская нѣжностъ одерживала верхъ. Всякой разъ, когда она видѣла Баншля, копорый посѣщаль ихъ шоль-

ко ночью, такъ какъ пресступникъ
опасающійся бышь открытымъ,
чувспвовала она смершныя перело-
мы. Она безпрестанно говорила:
дочь моя! вопшь куда завели шебя
легкомысліе и непростишельная сла-
бось. Добродъшель никогда неис-
пышываетъ такихъ спраховъ. Со-
здана ли я для того, чшобы не смъшь
признашь своего зяпя?

Сія мапшь досшойная соспраданія
не могла прошивишься шоликой печа-
ли и впала въ болъзнь; болъзнь сія, не
смотря на попеченія ея дочери, сдъла-
лась опасною. Дъла принудили Бан-
шлея удалишься на нъсколько дней.
Напрасно спрашивала его шеца. Ну,
такъ и бышь, сказала она Нанси,
усугубляющей около ея свои спара-
нія, всъ пособія, которыя шы мнъ
доспавляешь развъ полько нъсколь-
кими минушами замедляпшь конецъ
полагающій предъль моимъ несча-

спіямъ. Нанси, ты сокрапила мою жизнь! но я нехочу обвиняшь тебя въ моей смерти: я должна еще благодарить тебя, ты освобождаешь меня опъ слезъ бышь свидѣтелемъ несчастій для тебя предопредѣленныхъ. Я предвижу для тебя цѣпь злключеній. . . . Твое легкомысліе — явоя малая довѣренность къ совѣтамъ нѣжнѣйшей мапери довели тебя до сего спрашнаго предѣла: ты вспомнишь обо мнѣ, дочь моя! но поздно. Бракъ, заключенный подъ такими несчастными опношеніями низринетъ тебя въ бездну неизбѣжныхъ золъ; дай Богъ, что бы мои предчувствія были только пусые спрахи! Я вижу тебя вѣчно гонимую развѣреннымъ тештемъ. Богатые люди не знаютъ природы. Еспьлибъ ты его пронула! еспьли бы мужъ пвой неизмѣнилъ яервымъ своимъ чувспвіямъ. Пусть швои дѣши не подражаютъ тебѣ!

Нанси въ семѣ мѣспѣ склонила голову на руку своей матери и окропляла ее своими слезами. Ты меня любишь, сказала мать, пропягивая къ ней свои руки: я объ этомъ никогда не сомнѣвалась; но свой характеръ погубилъ меня — онъ погубилъ и себя. Сіе ужасное предспавленіе ускоряетъ минушу, которая разлучаетъ насъ; я чувствую ея приближеніе. . . . Дочь моя! ты никогда не была такъ любезна моему сердцу, и — — — я не увижу уже Баншля. — Я не увижу своего зятя! Увѣрь его, что я умираю прощая его и себя. . . . И любя васъ обоихъ. Нанси, не забудь своей матери. . . .

Она немогла продолжать; ея послѣдній взоръ усремленъ былъ на дочь, которая смотрѣла на ея послѣднее издыханіе и — которая вошова была слѣдовать во гробъ за

своей матерью. Ее хотѣли вывести изъ горницы, чтобы удалить отъ нея столь проташельное зрѣлище. Она пропивилась всѣмъ усиліямъ — безпресанно порывалась къ смертной постели обнимать свою мать; говорила къ ней такъ какъ будто она могла ее слышать: въ благодарность за всѣ попеченія и за любовь, копорой я такъ мало стоила — Я опняла у васъ жизнь! Дочь ваша пронзила вамъ грудь! вопъ плодъ моей непокорности, моего легкомыслія, моихъ не проспительныхъ заблужденій. Ахъ! можетъ ли смерть моя ихъ загладить? — Не навлекла ли я уже на себя всѣхъ злополучій, копорыми вы мнѣ грозили? Если жестокосердый шарикъ узнаетъ о нашемъ бракѣ — спанетъ преслѣдовать насъ, принудитъ своего сына!... Если Банплей переспанетъ любить меня!... И чѣмъ я занимаюсь въ то время,

когда бы должна больше желать разрушенія бышя, которое для меня столько теперь ненавистно? Я причинила смерть моей матери, пусть погребутъ меня съ нею. Никогда, нѣтъ, никогда я неразлучусь съ нею. Я пойду за нею во гробъ; ея грудь открылся еще на слезы своей дочери (въ сіе время пришелъ Баншлей)! Подойди, посмотри на дѣйствіе несчастной спрасти. Ты лишилъ меня моей матери, безъ тебя — безъ твоей роковой нѣжности она бы жила еще, я бы ее не оскорбила: ты разрушилъ мое счастье — заставилъ забыть меня мои обязанности — презрѣшь права природы, любви, разсудка, добродѣтели. . . . Прости, любезный супругъ! прости, я одна виновата; мнѣ должно было открышь глаза — испытать себя и — знаешь, что удѣлъ несчастливыхъ — неизвѣспность, а не брачные узы. . . Разорвешъ ли ихъ Бан-

плей? Никогда! опивчалъ ея мужъ, бросившись къ ея ногамъ. Клянусь здѣсь смертію твоею, мапери, самымъ Небомъ, что я вѣчно буду тебѣ любить. — Банплей! она умерла, призывая своего сына; и желала въ послѣдній разъ вздохнуть въ твоихъ объятіяхъ — мы ее больше не увидимъ!

Банплей неменьше печалился какъ и жена его. Бракъ ихъ сохранилъ всѣ прелести любви. И чего не усладишь сія страсть? какое облегченіе! какое утѣшеніе для двухъ любящихся особъ, естли они могутъ смѣшивать свои слезы, вздыхать вмѣстѣ и сообщать одинъ другому свою тоску! сіи удовольствія неизвѣсны въ счастіи. Природа предоставила несчастнымъ удовольствія, въ которыхъ опказано любимцамъ форшуну.

Нѣжность двухъ супруговъ становилась со дня на день живѣе, но Баншлей мучился скрывая глубокую тайну, — союзъ, копорой Небо освятило; эта скрытность оправляла дни его мрачной меланхоліей, копорую онъ напрасно силился отогнать. Онъ опасался что бы его жена этого не примѣшила. Рожденъ добродѣтельнымъ и строгимъ выполнителемъ своихъ должностей — онъ раздираемъ былъ внутренними упреками; онъ долженъ былъ скрывать отъ опцовской власпи сіи узы, копорые соспавляли блаженство его жизни; эшотъ просупокъ, въ важности копорого онъ непаился, преслѣдовалъ его повсюду; часто подходилъ онъ къ своему опцу въ намѣреніи унасть къ его ногамъ, и обьявить ему все, но возвращался назадъ неказавъ ни слова, копорое бы клонилось къ сему предмету. Наконецъ онъ рѣшился ввѣришь свое

положеніе дядѣ, котораго онѣ наибольше любилѣ. Сей добрый родственникѣ назывался Берклеемѣ; — онѣ уже одинѣ разѣ спрашивалѣ у своего племянника причины печали, которою видѣлѣ его удрученнаго. Берклеей имѣлѣ посредственное состояніе, былѣ чужестранецѣ, и несмотря на его малое имѣніе, уважаемѣ Банплеевымѣ опцемѣ. Молодой человекѣ воспользовался первымѣ случаемѣ что бы открышь ему свое сердце и что бы сбросить съ себя, такѣ сказать, ношу, которая столько тяготила его; онѣ рассказалѣ ему всѣ происшествія даже до малѣйшаго обстоятельствова. Банплей въ сихѣ словахѣ выразилѣ всю свою душу, живо представилѣ грусть, какую онѣ чувствуетѣ женившись безвѣдома своего отца; неизмѣнную любовь, которою онѣ привязанѣ къ Нанси, свое чрезмѣрное желаніе у ногѣ родителя излить раскаяніе и свои слезы.

Онъ описывалъ порпрешъ своей супруги безъ всякой лести; наконецъ онъ припомнилъ ему прежнее свое поведеніе, которое до сихъ поръ ничѣмъ не было замарано. Онъ особливо просилъ, что бы жена его предсшавлена была опцу, что бы имъ позволено было обняшь его колѣни и:— что бы онъ далъ имъ свое согласіе и свое благословеніе, которое для нихъ было дороже всѣхъ богатствъ. Берклеѣ выслушалъ его съ участіемъ, симъ удѣломъ сострадашельныхъ сердецъ; онъ сперва пользуясь важностію, которую позволяло ему его пишло, сдѣлалъ выговоръ своему племяннику за поштунокъ прошивный законамъ и правамъ крови; наконецъ онъ смягчился и обѣщалъ ему ходатайствовать у его опца.

Банплей предался обольщеніямъ надежды; онъ спарался вдохнушь

и въ Нанси нѣкотораго рода обвороженіе, которое закрывало отъ нее справедливые страхи ея предчувствуемые.

Дядя сдержалъ слово: онъ не замедлилъ увидѣться съ своимъ братомъ. Онъ прямо началъ ему говорить о его сынѣ, и употребилъ всю силу чувствованій, чшобы склонить его въ пользу сего несчастливца. Старикъ былъ нечувствительный. Онъ прошивуполагаетъ всему, что Берклей ни говорилъ, холодное и гордое презрѣніе и тѣмъ больше еще беспокоился, поелику онъ зналъ всѣ прошедшіе слабости Нанси. Онъ ее видѣлъ на гуляньяхъ, въ спектакляхъ; онъ зналъ что Англія и до сихъ поръ опзывается объ ней не въ ея пользу. Ея пристрастіе къ кокетству, — толпа ея обожателей, приключеніе съ Барономъ, всѣ различные обстоятель-

ства ея вершопрашества, ничто не ушло отъ свѣденія Баншлеева отца; сверхъ того съ долгаго времени за-грубѣвъ въ нечувствительности; онъ довѣрялъ мало добродѣтели, а особливо женской. Онъ почиталъ своего сына сумасшедшимъ, игрою коварства хитрой кокетки. Онъ взялъ перо съ хладнокровіемъ ужаснѣйшимъ самаго бѣшенства и написалъ сія слова къ Баншлею:

„Естьли бы ты имѣлъ одно минушное только заблужденіе съ женщиною, которая стоила бы знакомства, и естьли бы сія погрѣшность завела тебя въ нѣкоторыя долги, я бы удовлетворилъ твоимъ заимодавцамъ и можешь быть прощилъ бы тебя. Но ты женился безъ моего согласія. Ты нарушилъ уставы природы, религіи; я никогда не прощу тебя. Я оставляю въ наслѣдство тебѣ, женѣ твоей, дѣшамъ

твоимъ мое вѣчное проклятіе, —
вошъ все то чего ты долженъ опъ
меня надѣяться! Спрашисъ показы-
вашься на мои глаза; забудь, что
ты мой сынъ, такъ какъ и я уже
забылъ, что я твой отецъ.“

Сіе письмо поразило Баншлея
смершнымъ у аромъ; онъ однако
еще льстилъ себъ, что время само
доставитъ примиреніе, котораго
теперь не могъ онъ получить; онъ
нанялъ довольно опрышной покой-
чикъ для своей супруги и спустя
два мѣсяца онъ предпринялъ путь
къ гаванямъ Леваншскимъ.

Баншлей раздѣлился на многіе
компаніи: онъ неимѣлъ времени
узнашь себя, войтишь въ свое сердце:
Онъ весь предался задумчивости,
спрѣла ревности раздирала его
сердце. Едва успѣлъ оставишь свою
жену, какъ сія спрасишь до сихъ

порѣ бывъ нѣма, дала сигналъ и обнаружила свое опустошеніе. Онъ припомнилъ себѣ тѣ невыгодныя слухи, копорые носились о Нанси; прежнія ея знакомства въ Лондонѣ представлялись ему въ ужасномъ видѣ. Онъ зналъ, что супруга его была жива, весела, любила разсѣянность, свѣтъ, похвалы и — подозрѣніе родилось въ немъ. Надобно признаться, что легкомысліе Нанси казалось оправдывало сіе мнѣніе. Священныя мысли: внушенныя смертію ея мапери исчезли съ ея печалію и она опять возвратилась къ своему въпренному и легкомысленному характеру. Толпа волокипъ, копорыхъ единственное занятіе состоитъ въ томъ, что бы обольщать женщинъ — посѣщали ея туалеты. Словомъ сказать: ея поведеніе приняло оборотъ меньше еще осмотрипательный нежели каковъ онъ былъ прежде замужства; сего дня на балѣ.

— завтра на оперѣ ; — перелѣгавъ съ праздника на праздникъ ; изъ удовольствія къ удовольствіямъ , возвращаясь очень поздно а иногда и цѣлые ночи проводя не являясь домой , такъ жила Нанси въ опусуствіи своего мужа. Сія нескромность возбудила худое мнѣніе въ людяхъ , у которыхъ она нанимала домъ. Сперва они почли ее за женщину , которая не имѣла другаго состоянія кромѣ удовольствія. Они думали , что Банплей ухалъ навсегда подъ предлогомъ путешествія и — что онъ ихъ обманулъ съ тѣмъ , что бы они обращались съ Нанси благороднѣе и почтительнѣе. Сія недовѣрчивость побудила ихъ къ розыскамъ. Но они узнали , что та , которую столь несправедливо подозрѣвали , была связана съ Банплеемъ законными узами , и что она ходила къ такимъ непорочнымъ женщинамъ , которыхъ самое злословіе не имѣло ,

чѣмъ упрекнушь. Но поведеніе Нанси не больше стало тѣмъ оправдано; всѣ наружныя виды обвиняли ее. Сосѣди ея и думали и опзывались объ ней только съ худой стороны. Они жаловались, что она нарушаетъ ихъ покой. Хозяйка ея немогла удержаться, что бы не напомнить ей объ этомъ. Чернь чувствуетъ себя утѣшенною нѣкоторымъ образомъ въ низкой своей долѣ, когда она получаетъ право судить о вышшихъ себя и давать имъ совѣты; тогда возвращаетъ себѣ первобытное равенство, которое своенравіемъ и можетъ быть несправедливостію условій отнято у нее, и она всегда во зло употребляетъ сіе преимущество. Справедливо, что Нанси сама навлекла сію укоризну, которую ея самолюбіе едва перенести могло. Хозяйка ея представила ей самымъ учтивымъ образомъ, что она еще молодая дама; что для ней пред-

осудительно въ опсудствіи ея мужа принимать посѣщенія; она просила ее примечать сколько свѣтъ любви бранить! что ей должно беречься подавать соблазнъ сосѣдамъ и ей самой, которой самая малѣйшая вещь возбуждаетъ; она окончила сіе увѣщаніе прикрасивъ его всѣми простонародными выраженіями, прося у госпожи Баншлей въ своей вольности извиненія.

Можно напередъ угадать, что сіи слова были худо приняты опъ Нанси. Надѣясь на добродѣтель, которую она сохранила посреди самой вътренности и кокетства, она бы отвергнула совѣты самаго просвѣщеннѣйшаго мудреца; — но урокъ опъ простой женщины, — это было непростибельное униженіе, смертельная обида для чувствительности Нанси; посему она отвѣчала однимъ негодованіемъ и презрѣніемъ.

Она мало смотрѣла на слова пѣхѣ, которые ея не знали; она презирала сужденія проспой черни; однако для своей пользы сказала она сей неосторожной женщинѣ, чтобы она по своей болшливости не разгласила еще болѣе споль пагубныхъ злорѣчій; она соединила угрозы съ грубыми словами.

Нанси не успѣла выговорить, вдругъ вскала съ сердцемъ и обратившись спиною къ хозяйкѣ приказала ей выйпить. Уступивъ движеніямъ гордости и досады она должна было также повиниться гласу разума. Ослѣпленіе и буйство спрашей имѣющіе свои предѣлы въ благородныхъ душахъ; Нанси не смотря на ея умъ, на ея добродѣтель, спаралась опвергнуть совѣты хозяйки, и показывать ей презрѣніе. Она предалась еще болшему разсѣянію.

Баншлей окончавши свое путешествованіе по прошествіи десяти мѣсяцовъ возвратился назадъ. Онъ пошелъ съ воспоргомъ въ объявія своей супруги; всѣ подозрѣнія исчезли; онъ чувствовалъ только пріятности любви, какъ вдругъ объявляющъ ему выбирается изъ квартиры. Онъ тотчасъ хотѣлъ знать отъ жены своей причину сего съ нимъ поступка а особливо когда онъ всегда и сполна уплачивалъ деньги за постой. Нанси отвѣчала двусмысленно и съ замѣшательствомъ. Онъ бѣжитъ, спрашиваетъ обо всемъ хозяйку, которой честность превѣсила злой нравъ; она сперва скрывала настоящую причину своего неудовольствія. Онъ примѣтилъ ея смущеніе. Ревность овладѣла его сердцемъ. Онъ проситъ, угрожаетъ, закликаетъ сію женщину. Она колебалась нѣсколько минутъ и наконецъ призналась, что

ея Госпожа видѣла много свѣща, что она часто оспѣбалась до поздней поры въ городѣ, что спокойствіе и порядокъ выгнаны изъ ея дому со времени. . . . „Переспань, жестокая женщина! ты мнѣ насказала слишкомъ много. . . . Такъ-то пользуюсь моимъ опсупствіемъ! Вопъ чѣмъ плашпъ за мою любовь! Ахъ, родитель мой! родитель мой, ты теперь опомщенъ! услышь меня! услышь меня! . . .“ Нѣпъ, ты еще не все сказала; меня обманываютъ, ругаются мною, говори неправда ли. . . ? Не спрашисъ показать мнѣ мое несчастіе — разспупившуюся пропасть гоповую поглотипъ меня. . и на что мнѣ теперь жизнь? Она для меня ужасна! Нанси забыла меня, оставила, обезчестила. Онъ бѣжитъ къ своей женѣ: — „Ты просверлила кинжаломъ мнѣ грудь! ты причинила мнѣ мученіе ужаснѣе са-

мой смерти! Ахъ жестокая! ты оп-
няла у меня мое спокойствіе, мое
счастіе. . . “ Онъ оставилъ ее съ
шоропливостію и послѣ нѣсколькихъ
минутъ опять возвратился; про-
силъ прощенія въ своей горячности:
— „Сжался надъ несчастнымъ, ко-
торой просилъ тебя нескрывать
отъ него ничего: расскажи мнѣ все
даже до малѣйшаго обстоятельство:
— ты мнѣ окажешь единственную
услугу, ты спасешь мою честь. . .
Я приму мѣры. . . “

Хозяйка примѣшила, что она
сказала много. Она старалась пере-
увѣрить сего несчастнаго супруга,
представляя ему: что Нанси винить
можно только по наружнымъ видамъ,
и что ее только можно упрекать
въ томъ пристрастіи къ разсвѣнію,
которое обыкновенно имѣютъ моло-
дые люди представляющіе какіе-ли-
бо лица на сценѣ свѣта.

Сіе поправленіе , поелику оно было споль мало ушвердительно, не могло уничтожить подозрѣній Баншлея. Самые слабые черты сего разговора очень сильно поразили его и впечатлѣлись въ его сердце. Онъ поспѣшъ впалъ въ мрачную меланхолю и вышелъ изъ нее для того только , что бы уговорить хозяйку присматривать за всѣми шагами своей жены. Онъ упросилъ ее уступить ему домъ еще на одинъ годъ; наконецъ онъ сказалъ : что весьма нужно для его спокойствія и его чести , что бы ему обьяснили сомнѣнія , которые его раздирали ; онъ предпринималъ новое путешествіе , которое не было продолжительно , и неупустилъ напомнить , что смотря по донесеніямъ , которые ему представлены будуще по его возвращеніи , онъ рѣшится принять ему извѣстную сторону.

Баншлей въ своемъ разговорѣ соединялъ причины самыя основательныя съ сильными убѣжденіями. Онъ даже сулилъ большую награду. Сколько мы неразумительно поступаемъ спараясь открыть истинныя, которыя часто намъ бывающъ пагубны! Можно сказать, что какая то непреодолимая сила влечетъ человека къ несчастію. Съ другой стороны, хопя всегда почти означаетъ коварство и предосудительное неблагоразуміе супруга предаваться подозрѣніямъ; однако всякой день у насъ случается, что мы смопримъ на сію слабость такъ, какъ на доказательство честности и привязанности; сверхъ того простой народъ имѣетъ какое-то отъ природы приспращіе становиться при случаяхъ необходимымъ; идея, что въ немъ имѣютъ нужду заставляетъ его величаться и вдыхаетъ въ него желаніе повелѣвать первымъ

движеніемъ человѣческаго сердца. Сія побудительныя причины, не считая споль сильной пружины — интере-са — принудили хозяйку сдатьсь на предложенія Банплея и объѣзашь ему во всемъ почную вѣрность.

Банплей чрезвычайно любилъ свою жену; сія ревность споль буй-спвенная въ опсуществіи ея, спанс-вилась ушпхшею бурей и разогнан-ною однимъ взглядомъ Нанси. Онъ не могъ себѣ пропивишься когда ея видѣлъ. Онъ боялся что бы объясне-ніе ея не споило ему слезъ и слеза его супруги пронзала его убійствен-ною спрѣлою ; другіе еще причины заспавляли его молчашь. Ему оста-валось только нѣсколько дней быть въ Лондонъ и онъ спарался понра-вишься женѣ, которой недоспашки придавали, можешь бышь, еще боль-ше прелеспей.

Живость кокетства придаетъ много цѣны природнымъ прелестямъ, и гордость не меньше же участвуетъ какъ и любовь, что бы взявъ сердце въ плѣнъ ни для чего неприступное. Ваншлей имѣлъ сколько силъ, что бы не напоминать объ этомъ; но различныя беспокойства, копорыя онъ чувствовалъ изображались на лицѣ его. Онъ глубоко вздыхалъ, иногда прижималъ Нанси къ своему сердцу и проливалъ слезы, копорыхъ причину напрасно спаралась она узнать; — наконецъ настала минута его отвѣзда. Послѣ всѣхъ нѣжныхъ восхищеній онъ далъ ей слегка замѣшить свое мнѣніе. „Милая Нанси! сказалъ онъ ей съ ласковостію: я узналъ, что мой отецъ безпрестанно надзираетъ за нашими поступками. Его мнѣніе объ насъ зависитъ отъ тебя; — мое счастье въ твоихъ рукахъ. Онъ будетъ смотрѣть на сужденія какъ

свѣтъ опзовешся или въ твою пользу, или прошивъ себя; еслии онъ несыщеть ни въ чемъ тебя упрекнутьъ, какъ я обвѣ этомъ и несомнѣваюсь. — нѣтъ, я обвѣ этомъ ни мало несомнѣваюсь: продолжалъ онъ глядя на свою жену пристально, тогда отецъ мой возвратишь мнѣ свое дружество и я не буду уже имѣть нужды таскаться по свѣту искать богатствъ, которыя меня лишаютъ удовольствія жить близь того, что мнѣ мило. Мы соединимся съ тобой минутой, что бы больше неразлучаться.“

Сии послѣднія слова были сопровождаемы безпокойствомъ, котораго Баншлей немогъ скрыть. „Что ты хочешь чрезъ это сказать? прервала его Нанси. Ты уже много разъ въ своихъ разговорахъ касался до моего поведенія. Развѣ ты меня подозрѣваешь?“ При сихъ словахъ

она замѣчала всѣ движенія своего мужа, котораго замѣшательство увеличивалось: — „Такъ, ты сомнѣваешься!... Ты сомнѣваешься въ моемъ сердцѣ. . . . Баншлей бросился къ ногамъ ея: Всѣ мои мученія тебѣ извѣстны. Больше двухъ мѣсяцовъ какъ сіи фуріи раздираютъ меня. Нанси, не уже ли ты переспала любить меня? Не уже ли ты измѣнила супругу, чувствительнѣйшему любовнику? Нѣтъ, это невозможно.“

Онъ ей разсказалъ о жалобахъ хозяйки. Нанси неспрудно было оправдаться. Она была невинна: — она была прекрасна; — слезы капились изъ глазъ ея; ея супругъ обожалъ ее: — „Баншлей ли меня подозрѣваетъ, меня обвиняетъ? Развѣ не можно видѣть обществъ и сохранить добродѣтель, или должно зарыться въ пустынь? Я гошова шуда

бѣжать“. — „Я вѣрю, я увѣренъ, что ты меня любишь. . . .“ Ахъ можешь ли ты меня не любить моя божественная Нанси? Я дышу для тебя только одной; для тебя единственно я лишаю себя удовольствія вести жизнь свою у ногъ твоихъ, — для тебя я подвергаюсь вѣчнымъ опасностямъ, опиваюсь, можешь быть, невидѣть тебя больше, — невидѣть тебя! Удалимъ сіе ужасное представленіе: предадимся сладкому предчувствію, которое меня одушевляетъ; я еще увижу мою Нанси занятую священными должностями, вѣчно любящую меня, примѣромъ супругъ. . . . Божественная женщина! недовольно быть добродѣтельнымъ въ своихъ только глазахъ, надобно, чтобы чистая душа просіяла еще въ глазахъ другихъ. Это есть источникъ гдѣ недовольно чтобы воды были спасительны; они должны при сихъ

благотворительныхъ качествахъ имѣшь и прозрачность. Нанси не-
лорочная совѣсть недовольствуется
собственнымъ засвидѣтельствомъ.
ніемъ.“

Банплей тотчасъ былъ пере-
увѣренъ; онъ общалъ никогда неувѣ-
ришь столь обиднымъ опзывамъ ;
они оба согласились почистить хо-
зяйку подлымъ орудіемъ злословія.
Кляшвы въ вѣчной любви, нѣжнѣйшія
ласки составляли прощаніе двухъ
супруговъ. Банплей, отправился, бо-
лѣе нежели когда либо, бывъ твердо
увѣренъ, что онъ на всю жизнь уже
излѣчился отъ тѣхъ пагубныхъ
подозрѣній, которые составляли его
мученіе и исполненъ неперпѣнія
скорѣе возвратишься въ объятія
обожаемой жены, чтобы больше не
разлучаться.

Нанси, такъ сказать, сдѣлав-
шись вдовой другой разъ, почувство-

вала себя беременною; она имѣла несчастіе упастъ и разрѣшиться отъ родовъ прежде времени. Младенецъ, котораго она родила ни мало неспрадалъ отъ сего приключенія. Ей необходимо должно было перемѣнить образъ жизни. Вечеринки и балы были прекращены; предавшись самой себѣ, погрузилась она въ меланхолію. Последнія слова ея мужа такъ сильно впечатлѣлись въ ней, что она представляла его способнымъ ко всѣмъ ослѣпленіямъ ревности и склоннымъ къ самымъ несправедливымъ подозрѣніямъ. Рожденіе младенца наводило ей ужасъ; обстоятельство не были благосклонны истиннѣ. Между тѣмъ ея наклонность всегда влекла ея къ предосудительнымъ поступкамъ; мы увидимъ сей часъ сему несчастный примѣръ.

По случаю она встрѣтилась въ театрѣ съ одной дамой, которую

она видѣла въ первой разѣ. Во взаимномъ обращеніи они понравились другъ другу, и въ нихъ родилось чрезмѣрное желаніе короче познакомиться; сія дама сдѣлала первая приступъ. Она пришла къ Нанси, которая неосвѣдомясь ни объ чемъ больше, какъ только о жилищѣ незнакомки, общалась ея посѣпить.

Благоразумная и добродѣтельная супруга Ваншлея узнавши собственнымъ своимъ опытомъ неспокойныя чувства мужа своего, могли сдѣлать споль грубую ошибку? Развѣ она не знала съ коликими опасностями соединены знакомства? что одно уже неосторожно заключенное можетъ запятнать самую непорочную жизнь? что публика судитъ только по наружности, и мало заботясь выйтить изъ своего заблужденія, — она любитъ больше обвинять нежели оправдывать; та-

жовѣ ходѣ человеческой злобы. Она одобряетъ съ сожалѣніемъ, напропивъ вкушаетъ сладкое удовольствіе ругая и злословля. Не уже ли зависпъ есть порокъ сосущественный нашей природѣ? или недоспапокъ размышленія, копорой бываешъ необходимымъ слѣдствіемъ злоупотребленія обществъ., — мѣшаешъ намъ чувствовашъ до какой степени мы бываемъ несправедливы и злы.

Сія новая знакомка Нанси называлась Лади Белшонъ. Она была вдова одного офицера умершаго въ Каролинѣ. Сія женщина будучи еще пригожа и копорой хипроспъ гораздо превосходила ея пріяпности вздумала поправитъ худое свое счастье, хотя бы это было на счетъ ея чести; однако сколько она ни спаралась это скривашъ, но ея инсприти сдѣлались нѣсколько извѣспными; начали доискивашъ испоч-

ника сей пышности, которую она такъ не кспати выспавляла; да при-помъ все знали, что ея мужъ ничего неоспавилъ ей изъ имъній по-слъ смерти. И нъшъ никого, кто бы не долженъ дашь отчетъ спро-гой публикъ въ своихъ дѣлахъ. Одинъ видъ шайно оскорбляетъ ея и она часпо мспишъ заключая худо о средешвахъ, которыя хотяшъ скрыть опъ ея любопытства. Она не ошиблась въ своемъ образъ мы-слей о Лади Белпонъ; однако объ ней имъли еще только сомнѣнiя, копорые очень доспапочны уже, что бы лишись чеспи чувспвишель-ную женщину; по сему ничпо уже не могло оправдашь Нанси въ са-мыхъ снисходишельныхъ глазахъ.

Они проводили цѣлые дни вмѣ-стѣ. Нанси, какъ эпо. по большей часпи случается у молодыхъ людей, копорые въ первые минушы связи

бываютьъ весьма пламенны, открылась во всемъ своей пріятельницѣ безъ всякой осторожности. Лади Белшонъ бывъ во всемъ другаго характера, которую лѣта научили прищворству и разнымъ уловкамъ, ввѣрила ей, съ своей стороны, ложныя шайны.

Сія опкровенность и сіе изліяніе души, изъ которыхъ порокъ всегда почти извлекаетъ для себя пользу, есть принадлежность одной добродѣтели и честности. Ей извѣстно было, что Нанси любила свѣтъ, уборы, разсѣяніе и, она начертила планъ ея гибели. Домъ Лади Белшонъ недалеко отстоялъ отъ Парка Святаго Іоакима. Нанси, по слѣдствію ея несчастной судьбы, сидѣла подлѣ одного окошка; отрядъ Конной Гвардіи проходилъ на улицѣ. Она подумала, что это означаетъ присутствіе Принцовъ, Королевской

фамиліи, и побѣжала къ окну. Нѣ-
 который человекъ оборотился по-
 смопрѣшь сюда и, увидѣвши Нанси,
 показалъ знакъ примѣпнаго негодо-
 ванія. Какое разительное приклю-
 ченіе для честной женщины! ей ка-
 залось что она примѣшила черты
 отца своего мужа и, въ томъ не
 обманулась. Это онъ былъ въ са-
 момъ дѣлѣ. Онъ больше не сумнѣ-
 вался о безчестіи своего сына, по-
 елику онъ видѣлъ свою невѣстку въ
 сообществѣ Лади Белшонъ о кото-
 рой онъ очень худо думалъ; грусть
 овладѣла Нанси. Она немогла узнать
 причины сего рода насмѣшки. Но
 глаза ея не надолго были закрыты.
 Лади Белшонъ усиленно просила ее
 оспашься у себя опужинашь съ од-
 нимъ ея родственикомъ недавно прі-
 ѣхавшимъ изъ Англинскихъ остро-
 вовъ. Она имѣла слабость при-
 няшь сіе приглашеніе. Сей ложный
 родственикъ, который назывался

Кавалеръ Бломшпокъ, незамѣдлилъ обнаружить какое онъ беретъ участіе въ Нанси. Онъ безпрестанно превозносилъ ея красоту, завидовалъ счастью того смертнаго, который любимъ былъ такою женою. Нанси думала, что это былъ приступъ одного учтивства: она опивчалась на все это краснѣя. Привѣтствія сдѣлались живѣе. Она примѣтила, что Лади Белтонъ обращалась съ Бломшпокомъ съ такою осторожностію и уваженіемъ, котораго не бываетъ между родными и равными. Восхищеніе чужестранца увеличивалось. Баншлеева супруга приняла тонъ, который ей былъ приличенъ. Она прошивуспавила высокую добродѣтель, которая часто изумляетъ и приводитъ дерзость въ замѣшательство. Между тѣмъ, Кавалеръ, вмѣсто того, что бы опшупилъ, усиливалъ еще больше смѣлость въ своихъ желаніяхъ.

Нанси встала, бросивъ свирѣпый взглядъ на свою пріятельницу. — „Сударыня! развѣ вашъ родственникъ не знаетъ, кто я? — Позвольте мнѣ выйти и оставитъ васъ навсегда. . . . — “ Она сдѣлала движеніе, чпто бы уйти. Лади Белмонъ хопѣла оспановитъ ее за руку. — „Напрасно, сударыня, вы силпесь меня удержатъ; — мои глаза открыты, — я очень вижу съ кѣмъ я. — “ Съ Англинскимъ дворяниномъ, которой васъ любитъ, произнесъ Кавалеръ бросившись къ ея ногамъ. — Узнайте меня, сударыня! я не Бломшпокъ, который ожидаетъ приговора своей судьбы у ногъ вашихъ. Я Лордъ П. . . — „Лордъ П. . . прервала его Нанси, испуская крикъ. Какъ, Милордъ! это вы, пріобрѣвшіе уваженіе честнѣйшаго человека, и вы поступаете такъ съ женщиною, которая заслуживаетъ, кажется, лучшаго мнѣнія. “ —

„Вспаньте, Милордъ, и позволите мнѣ умереть далеко отъ вашихъ глазъ. . . “ — „Такое поношеніе. . . “ Нанси не могла говорить больше и упала на креслы задыхаясь отъ вздоховъ и слезъ. Милордъ беспре­шанно споялъ у ногъ ея. — „Я испрашиваю теперь у васъ проше­нія. — Я готовъ жертвовать самую жизнь, что бы загладить свой про­супокъ. Божественная Нанси! по­вѣрьте мнѣ, что я умѣю почитать добродѣтель. . . . Меня обманули. Нами играли обоими. . . — “ Онъ оборотился къ Лади Белпонъ. „Я сыщу средство опмститъ вамъ — а вы, сударыня! продолжалъ онъ оборотившись къ Банплеевой женѣ, позволите мнѣ вашу руку и про­вестъ васъ домой. Удалимся ско­рѣй изъ сего ненавистнаго дома.

Нанси пораженная печалію, полумертва, не зная куда она несла

шаги свои , позволила Лорду проводить себя , который открывъ ей подробности злоумышленія безчестной Белпоны. Она-то описала свою пріятельницу такою , которой побѣда очень легка. Милордъ П. . . былъ влюбленъ въ нее до безумія , и сія Белпонъ увѣрила его , что при первомъ свиданіи онъ будетъ счастливымъ любовникомъ. Нанси узнала изъ сихъ словъ кто была сія Лади и сколько уже молодыхъ особъ она погубила ; у нее то первые Лондонскіе дворяне нарушали невинность и красоту. „Сударыня ! сказалъ Милордъ , прощаясь съ Нанси , я открылъ вамъ чувство , котораго необѣщаюсь попушить. Ахъ ! оставьте мнѣ удовольствіе хранить его въ глубинѣ моего сердца ! это единственное счастье , которымъ я буду наслаждаться ; и если вы симъ необижаетесь , я даю въ помѣ мое слово. Нѣтъ , никогда моя лю-

бовъ не опкроепся. Я буду имѣть одно почшеніе и уваженіе къ вашей добродѣтели. Естли вы, или вашъ мужъ будепъ имѣть какую надобность въ милостяхъ двора, я могу въ томъ оказать вамъ услугу, и топъ случай доставипъ мнѣ великое удовольствіе; прощайте, сударыня! я знаю, что должность налагаетъ на меня и на васъ! я удаляюсь навсегда отъ вашего присупствія, но вы мнѣ не меньше будепе милы. Неспрашипесь больше разсравленныхъ съпей Лади Белпонъ.

Нанси невыходила изъ смущенія, успокоившись немного, она почувствовала новое соприсеніе. Она дрожала отъ ужаса вообразивъ опасность, которой она подвергалась. „Вопъ! вскричала она, пропасть, куда завела меня моя нескромность — моя неразумность и — мое суепное пристрастіе къ обще-

спвамъ! какъ близка я была къ безче-
стию — къ посрамленію. Я — Бан-
шлеева жена, любящая его споль
нѣжно — я мапъ. . .“ Сердце ея
раздиралось при сихъ словахъ и она
упала въ нѣкошорый родъ ничпоже-
ства; попомъ опомнившись продол-
жала: Возможно ли, что бы суще-
ствовали гдѣ-либо чудовища подоб-
ныя Лади Белпопъ? — Лъзя ли до
пнакой степени во зло употреблять
мою опкровенность, мою дружбу?
— И съ какимъ видомъ показала
бы я тогда предъ своего мужа? —
Земля имѣетъ ли споль глубокія
пропасты, что бы сокрыть меня?
Онъ бы меня никогда неувидѣлъ; я
бы должна перенести тысячу смер-
тей. Несчастное дитя, какая была
бы швоя участь? — Женщина мо-
жетъ ли жить, есть ли она должна
чего-либо краснѣть? Все со-
вершилось, я не увижу больше сего
проклятаго свѣта. Я опказываюсь

отъ всего общества. Теперь мнѣ извѣсна причина для чего мой пестрь показалъ сей видъ негодова-
нія. Онъ меня видѣлъ съ сей пре-
супной Лади; онъ почитаетъ меня
виновною! вопль плодъ связей неостро-
жно заключенныхъ! несчастная,
какъ мнѣ оправдаешься предъ симъ
старикомъ, который меня ненави-
дитъ — который меня презираетъ?
И естли Банплей станеть подо-
зрѣвать — станеть думать, что
я ему измѣнила.

Сія женщина столь достойная
сожалѣнія не могла перенести сей
погрѣшности. Она совсѣмъ перемѣ-
нила образъ жизни. Ея домъ сдѣ-
лался безмолвною пустыней. Ея
сынъ сославлялъ всѣ ея занятія.
Она кормила его собственною грудью
и онъ такъ укрѣпился, что не лзя
было разпознать, что онъ родился
преждевременно; всякой взглядъ, ко-

порой она бросала на него былъ сопророждаемъ слезами. Она ожидала своего мужа съ нестерпѣніемъ и — въ по же время спрaшила его увидѣшь. Послѣ многихъ плановъ и нерѣшимостей она вознамѣрилась скрыть возрастъ своего младенца отъ Баншля. Ему было шесть мѣсяцевъ когда отецъ его возвратился изъ своего путешествія.

Нанси встрѣшила своего мужа съ радостными и нѣжными воспоргами но — смѣшанными съ безпокойствомъ, котораго она не могла скрыть. Баншлей примѣшилъ это. — „Что съ тобою сдѣлалось, моя любезная Нанси? — Кто могъ нарушить наше счастье? — Я непримѣчаю въ тебѣ той ясности, которая обыкновенно сопутствуетъ чистымъ и невиннымъ удовольствіемъ! Тайный ужасъ обнимаетъ тебя!... Ты кажется опшaлкиваешь мои объя-

тія! . . . Ты убѣгаешь моихъ взоровъ! . . . Ты скрываешь отъ меня слезы! . . . Нанси! . . . Нанси! . . .“
Она упала въ слезахъ на руки своего мужа, котораго сердце попово было уже открытъ для ужасной ревности: ласки прекрасной жены удалили прочь недоверчивость и подозрѣнія. Баншлей цѣлуешь тысячу разъ младенца. Взглядъ на сіе прекрасное твореніе прогалъ — восхищалъ его. Онъ желалъ больше нежели когда-либо примиренія съ своимъ опцомъ. Узнавши по возвращеніи своемъ, что отецъ его опасно болѣнъ вздумалъ пошпшь бросишь къ его ногамъ и — онъ обѣщавъ своей женѣ возвратишь на ужинъ.

Баншлей среди своихъ ласкъ спросилъ о возрастѣ своего сына. Она старалась опклонишь сей вопросъ. При выходѣ онъ увидѣлъ

хозяйку, которая сделала знакъ, чтобы онъ приблизился. Онъ общалъ своей супругѣ никогда неговоришь съ сею женщиною, и даже убѣгаешь случаевъ видѣшься съ нею. Ревность имъ овладѣла. Онъ забылъ слово данное Нанси. Онъ уступаетъ любопытному желанію, которое его вело, входитъ въ горницу хозяйки. Она побѣжала для осторожности запереть двери; внутреннее безпокойство овладѣло Баншлеемъ. Сія женщина подошла къ нему съ таинственнымъ видомъ; — она припомнила ему то порученіе, которое онъ на нее наложилъ. Новые удары для сердца воспаленнаго ревностію; и присовокупила, что она противъ своей воли приняла столь чувствительное препорученіе, что только по его убѣжденіямъ — по его прозьбамъ — по его усиленнымъ требованіямъ она согласилась уведомлять его обо всемъ. Баншлей переносилъ

тысячу мученій. „Ну, говори! сказалъ онъ, говори! — вырви у меня сердце. . . . Жена моя! Жена моя! . . . —“ Государь мой! я сама жалю о томъ, что вамъ должна опкрышь. Но вы человекъ обходительный. — „Продолжай! я обиженъ? — Моя честь запрещаетъ мнѣ скрывать и малѣйшее обстоятельство. — Расскажи, расскажи мнѣ все. —“ Сынъ вашъ. . . . „Ну хорошо, сынъ мой“ Для меня весьма чувствительно причиняешь вамъ сію печаль. . . Онъ не доносилъ. . . . Громовой ударъ поразилъ Баншля. Онъ упалъ на стулъ поднимая руки къ небу не имѣвши больше силъ говорить. — Я нѣсколько разъ хотѣла, сказала хозяйка, посмопрѣть сего младенца, но госпожа моя всегда удаляла меня съ презрительною гордостію. Баншлен нѣсколько минутъ находился въ такомъ смущеніи; — наконецъ

онъ поднялъ голову и произнесъ сіи слова съ мрачнымъ пономъ. „Онъ не мой сынъ!“ и прохаживался съ бѣшенствомъ по горницѣ. — „Спрашисъ приближисъ ко мнѣ! я самъ себя не узнаю. . . . — Я дамъ тебѣ почувствовать. . . Жестокая! ты сдѣлала мученіе моей жизни, . . . Эшошъ младенецъ не мой сынъ! Вопъ для чего скрывала всегда отъ меня возрастъ сего ненависнаго шворенія и еще прибѣгала ко мнѣ съ ласками — съ вѣроломными ласками, класъ его въ мои объятія, эшошъ памятникъ моего поношенія. . . Твоей невѣрности — твоей неблагодарности. . . : ! Ахъ! ты умрешъ отъ моей руки, преступная жена! Я умерщвлю тебя самъ — тебя — и сей проклятой плодъ твоей измѣны, твоего спрашнаго преступления. . . . Обоихъ васъ. . . . Я упьюсь вашею кровью. Я насыщусь симъ зрѣлищемъ.“ Онъ сдѣ-

далъ нѣсколько шаговъ, что бы войти въ горницу своей супруги. Хозяйка спаралась его удержатъ. Онъ осшановился и упалъ залившись весь слезами. Ты плачешъ несчастный! ты неимѣешъ силъ опмспитъ за себя!... Но ты обезчещенъ!... Спустия минушу, онъ раздумался. „Уйдемъ, оставимъ сию жершву спыду, угрызениямъ совѣсти — угрызениямъ, которыя самк вспуняшся за меня... Опмспитъ за меня... Которыя вѣчно будущей предспавлять и ея преспуленіе и — ея любовь. . . Пойдемъ къ своему опцу. Онъ узнаешъ всъ моя несчастія; я довольно наказанъ; — онъ меня простишъ — онъ мнѣ возвращитъ свою нѣжность. . . . И нѣжность Нанси! Вотъ дѣйствія его проклятія!“

Въ семъ смущеніи направлетъ онъ шаги къ дому своего опца; вез-

дѣ примѣчаетъ безпокойство и тихо входитъ. Какой предметъ для глазъ Баншлея. Опецъ его лежалъ на смертномъ одрѣ окруженъ своею фамилією; онъ испускалъ послѣднее дыханіе. „Бапюшка! вскричалъ Баншлей“ Такъ отвѣчалъ ему одинъ изъ его братьевъ, своя безразсудная женидба ускорила его конецъ; его послѣднія слова къ тебѣ выражали гнѣвъ. „Какъ! опецъ мой умеръ съ чувствами ненависти къ своему несчастному сыну! —“ Онъ тебя лишилъ наслѣдства. „Что мнѣ въ вашемъ имѣніи — наслѣдствѣ. Я пришелъ . . . я пришелъ обнять родительскія колѣна, вновь выплакать его нѣжность — умереть у ногъ его . . . Безчеловѣчные братья! я не хочу отъ васъ ничего, спорьте между собою о имѣніи моего отца. Позвольте только мнѣ умереть въ семъ домѣ, который видѣлъ мое рожденіе — гдѣ я былъ столько сча-

спливъ Ахъ бапюшка!“ онъ бѣ-
житъ къ его поспели ; но дядя , ко-
порому онъ всегда былъ милъ , оспа-
новилъ — обнялъ его — говорилъ съ
ласками спараясь его ушѣшитъ .
Начали чипать завѣщаніе , онъ не-
слышалъ ни одного слова ; ужасное
донесеніе , которымъ хозяйка пора-
зила его сердце , наполняло его все-
го . Онъ представлялъ себя игруш-
кою презрительной женщины , копо-
рая лишила его родныхъ , счастія ,
чеспи . Онъ приблизился къ покры-
валу , которое опнимало опъ глазъ
его того , кому онъ одолженъ былъ
жизнію , который его воспипалъ и
— копораго онъ оскорбилъ поно-
снымъ своимъ бракомъ . Сколько уда-
ровъ вдругъ поразило его ; онъ вы-
шелъ изъ сего омершвѣнія тогда
полько когда переспали чипать .
Берклеј думалъ , что сіе смущеніе ,
въ копоромъ онъ находилъ своего
племянника , было произведено въ

немъ симъ извѣстіемъ, которое онъ теперь лишъ услышалъ. Опецъ его оставилъ ему въ своей духовной одну гвиненю; добродѣтельный сей родспвенникъ опвелъ его въ ближнюю комнапу. Другъ мой! сказалъ онъ ему, не пужи, я еще нѣсколь-ко имѣю и, все что я имѣю, есплишы будешъ имѣть въ чемъ нужду — принадлежишь тебѣ. — Ахъ дядюшка! я имѣю нужду въ одной смерпи. Я не обѣ наслѣдспвѣ опца моего со-жалѣю — я уже вамъ сказалъ, мнѣ одна любовь его нужна, онъ возвра-пилъ бы ее, онъ сжалился бы надъ моимъ состояніемъ, я бы опкрылъ ему всѣ мои мученія. — Поведеніе пвоей жены; — Поведеніе моей жены. . . . — Со дня на день больше раздражало его, ея безчестіе публично. Что вы говорите? — Весь Лондонъ примѣшилъ ея связь съ женщиною потерявшюю уваженіе, а. . . . Любезной племянникъ, я не-

долженъ отъ тебя ничего скрывать.
— Нѣтъ. . . Нескрывайте отъ
меня ничего. . . . Нескрывайте отъ
меня ничего. . . Пусть я узнаю все. . .
Пусть я перенесу тысячу смертей.
— Безчестная Лади Белпонъ сама
разсказывала сіе приключеніе и увѣ-
рляла: что у нее назначаемы были
свиданія, и что Лордъ П. . . . —
Перестаньте дядюшка. Я знаю все,
— я знаю все. . . Теперь я не уди-
вляюсь для чего сіе ненавистнсе-
дичя. . . . И я его держалъ въ мо-
ихъ объятіяхъ! этого довольно. . .
Этого довольно! . . Ручей слезъ
прервалъ сіи слова. Онъ продолжалъ
опять съ бѣшенствомъ. Всѣ мои
несчастія вамъ извѣстны; такъ, я
не послушалъ своего отца. Я за-
ключилъ безъ его согласія союзъ
приковавшій меня къ вѣроломству —
къ преступленію. Я сдѣлалъ все для
жены, копорую я обожалъ, копо-
рой я поклонялся. Я невоображалъ

другаго счасція какъ привлечь на себя ея взоръ, бышь у ея ногъ. . . . Смерть ей. Я превращу въ ничтожество обоихъ свидѣтелей моего посрамленія. . . . Ахъ дядюшка! чѣмъ я заслужилъ сіи удары? — Послушай меня Банплей, не возвращайся больше къ Нанси. Живи въ моемъ домѣ. Я приму мѣры съ своею женою и принужу ея самую пребогашь развода. . . . Развода! нѣтъ я не хочу эшимъ мспишь: надобно, что бы пожирающій ядъ прошекалъ въ ея жилахъ. . . . Что бы я самъ подаль ей сей смершный напитокъ. . . . Но этого еще не довольно. Я обожалъ ее сердце; я пронжу его тысячью кинжалами — я вырву его собственными своими руками. . . . Банплей едва успѣлъ выговорить сіи слова какъ упалъ безъ чувствъ въ объятія своего дяди. Опомнившись произнесъ онъ дрожащимъ голосомъ: но дядюшка! еспьли она невинова-

па! вы ее увидите — вы никогда не повѣрите, что съ такими прелестями можно быть столь преступною; ея нѣжность была столь жива — столь привлекательна. . . . Вы мнѣ говорите, что Лордъ П. . . это очень справедливо; она меня не любила, она любила другаго. . . . Другой владѣль сердцемъ Нанси.

Сія идея погрузила вновь въ уныніе несчастнаго Банплея; надобно ее забыть вскричалъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія. Ахъ, какъ ее забыть? Ея образъ здѣсь — въ моемъ сердцѣ, которое онъ раздираетъ. . . . Подите дядюшка, я полагаюсь во всемъ на вашу дружбу — на ваше соспрандіе; рѣшите ея участь — мою. . . . Разводъ; смерть мнѣ; все, что вамъ угодно. . . . Онъ бѣжитъ вслѣдъ за Берклеемъ: — она заслуживаетъ всякаго наказанія; она никогда не

Будетъ чувствоватъ пѣхъ мученій, которые я сношу отъ нее. Но лишивши ее имени моей супруги — оспавъте ей мое имѣніе, что бы она неперпѣла бѣдности. . . Дядюшка! облегчите сколько можно ударъ нами надъ нею занесенный! Скажите ей, что я ее любилъ! . . . Ахъ! на что было ей измѣнять мнѣ! Вы меня больше неувидите! я хочу умереть! какъ перенесъ такіе несчастные перевороты.

Берклея опвелъ своего племянника къ себѣ въ домъ. Онъ попеременно переходилъ изъ глубокой печали къ крайнему опчаянію; то понуждалъ дядю своего поспѣшить къ своей женѣ то заклиналъ его оспаться. Никогда природа человѣческая борясь съ несчастіемъ и подпавши подъ всѣ его удары не представляла споль плачевнаго зрѣлища.

Нанси не могла предвидѣть своего ужаснаго рока; она ожидала своего мужа со всею безопасностію добродѣтели и живымъ неперпѣніемъ любви, она сама нарядила своего сына въ намѣреніи предспавишь Баншлею пріятное зрѣлище. Въ самомъ дѣлѣ можешъ ли быть для родительскихъ глазъ какой-либо предметъ лестнѣе и привлекательнѣе нѣжнаго младенца; который, повидимому, различая пворца своихъ дней, улыбаешся къ нему съ живостію и пріятностію первому возрасту приличною, пропягиваетъ къ нему свои невинные ручонки, что бы ласкашь его и, кажется свидѣтельствуетъ ему свою признательность? Нанси говорила сама себѣ: какое для меня удовольствіе, еспли Баншлей прижметъ его къ своему сердцу и найдешъ его любезнымъ! она украсила даже горницу цвѣтами, гдѣ они должны были ужинашь — она считала

часы, минушы, мгновенія. Ея душа казалось лепѣла на встрѣчу своему мужу. Ей предспавлялось, что она его слышитъ — его видитъ.

Банплей перемѣнивши въ своей головѣ тысячу различныхъ плановъ, рѣшился наконецъ написать къ Нанси. Онъ начиналъ дваццать писемъ и всѣ разорвалъ въ куски. Наконецъ среди сильнѣйшаго волненія спрашей написалъ одно, которое и отправилъ чрезъ нарочнаго съ повѣнїемъ опдашь въ руки своей супруги.

Безпокойство Нанси увеличивалось: она не знала на чѣмъ основать свой страхъ; минушы прошекали, а мужъ ея не возвращался. Случай: она лепитъ къ дверямъ, пропягивая ~~Они~~ къ Банплею, которого она надѣялась увидѣшь и которого еще искала своими глазами.

Но увѣрилась въ прошивномъ: слуга подаетъ ей письмо отъ ея супруга и пошчасъ удаляется сказавши что непребуютъ отвѣща. Нанси ничего неслышала. Она схватила съ поспѣшностію сіе письмо; открываетъ его въ смущеніи и читаетъ сіи слова: „Чѣмъ мнѣ начашь, жена недостойная моеѣ любви? Я посылаю тебѣ всѣ проклятія какія только справедливый гнѣвъ выдумаешь можешь. Пусть всѣ мученія, адъ, пусть самый адъ войдетъ въ швое сердце! Мое, жестокая! открыто для всѣхъ фурій; ты его перзаешь какъ плошодный воронъ свою добычу. Насышься моими мученіями; упивайся моими слезами, ты оскорбила, ты умершвила человека, копорый тебя обожалъ. Все извѣстно, испинное рожденіе швоего младенца, — сего ненавистна^{го} младенца. Твои связи съ сею безчестною Белпоною, швоя измѣна. . . . Твоя любовь! Ахъ

преступная жена! Это Лордъ П. . . далъ жизнь сему проклятому шворенію, которое ты мнѣ давала обнимать! вѣроломное чудовище! соединять поруганіе съ невѣрностію и обманомъ! Насмѣхаться надъ моею легковѣрностію — обольщать меня ложными ласками! . . . Я хотѣла, несчастная! опнать у тебя жизнь запятнанную толликими преступленіями. Но смерть для тебя была бы снисхожденіемъ, котораго я неокажу тебѣ — нѣтъ, я тебѣ его неокажу. Пусть твой стыдъ, и твоя печаль будутъ вѣчны, что бы умирать тебѣ безпрестанно. Пусть образъ твоего супруга представляется вѣчно твоимъ глазамъ. . . Неблагодарная! какъ ты была ему мила! какъ онъ любилъ тебя! Ахъ Нанси, Нанси! неожидай отъ меня прощенія, откажись навсегда носить имя моей супруги — сіе имя, которое ты столько обезчестила.

Какія злополучія небудешъ ты переносишь — все небудешъ сколько страдашь сколько пошъ несчастный, который все потерялъ во вселенной. Почему я неимью сколько силъ, что бы изгладить тебя изъ моего сердца. Жестокая! всѣ мои усилія напрасны; я чувствую, что мы останешся въ немъ до самаго послѣдняго издыханія. . . Ты не увидишь меня больше. Прощай, прощай! я оставляю тебя своему раскаянію. Если ты можешъ еще чувствовашъ оное. “

Нанси спала неподвижна, безчувственна, полумертва; она не говорила нислова. Это было ужасное молчаніе опчаянной печали. Сонъ убѣгалъ отъ ея глазъ и она немогла имъ наслаждашся. Она безпрестанно устремляла глаза на своего сына, который лежалъ близъ нее. Почаспу вырывались у нее

горягїя слезы и кашясь по щекамъ — казалось проривали шамъ смершныя черты; къ большему ея мученїю она не знала, что дѣлается шеперь съ Баншлеемъ и — хопя бы она его увидѣла, могла ли она надѣяшсья оправдашь предъ нимъ свою невинность? она непринимала никакой пиши; еспьли кто хотѣлъ къ ней приближисья, то она давала знакъ рукою, что бы оставили ее самой себѣ. Сей печальной переворопъ во всѣхъ ея чувспвахъ имѣлъ слѣдствїемъ жестокою лихорадку, копорую она и сыну своему сообщила.

Уже прошло восемь дней какъ Баншлей разлучился съ сими двумя несчастными шворенїями. Его родственникъ поручилъ одному изъ своихъ друзей опшвезши его въ свою деревню опшстоящую за сорокъ миль опъ Лондона. Во время сей оплучи Берклеи долженъ былъ уговорить

Нанси къ разводу съ его племянникомъ.

Онъ пошелъ къ ней въ семъ намѣреніи, пребудетъ съ нею говорить и объявляетъ даже намѣреніе, которое его привело. „Вы недокончите сего варварскаго намѣренія, вскричала хозяйка расплакавшись и бросилась къ ногамъ пропягивая къ нему руки: „Государь мой, умило-сердитесь! увѣдомьте господина Баншля, что бы онъ самъ пришелъ, что бы скорѣе прилѣшелъ; вы спасете жизнь сей бѣдной дамы! ей можетъ быть неостается жить больше одной минуты. Ахъ, государь мой! это самое лучшее дѣло, которое вы можете сдѣлать; пусть ея мужъ выслушаетъ ее, она можетъ еще оправдаться — такъ она невинна. Одна недоспойная прощенія причинила своею нескромностію всѣ ея несчастія! я плачу о ея уча-

сти! это самая добродѣшель продолжала она распливаясь въ слезахъ, и я ее подозрѣвала! я ее обвинила! вы ее увидите государь мой, — и сердце ваше забьется сильнѣе: но... сударыня (вошедши въ горницу и приступивъ къ Нанси), ободритесь! вошъ дядя господина Баншлея!“

Сія несчастная лежала полумертва на своей постели, прижимая къ своему сердцу умирающее свое дитя. Она подняла голову и какъ бы вновь оживала: — господинъ Баншлей. . . . гдѣ онъ? — „Я его дядя, сударыня, и я пришелъ.“

Онъ не могъ кончить — онъ былъ пронутъ сожалѣніемъ и едва удержалъ свои слезы; онъ сѣлъ близъ нее; наконецъ сберегая споль жалкое положеніе сей женщины, онъ увѣдомилъ ее обо всемъ, чпо могло возбудить ревность его племянника;

онъ говорилъ ей о ея дщяти — о Лади Белшонъ, о Лордъ II. . . Нанси перешагиваетъ свой замершій и прерываемый вздохами голосъ и оправдывается въ глазахъ Берклея столь прогашельнымъ, столь увѣришельнымъ образомъ, что онъ самъ взялся бытъ посредникомъ ея мужа; — онъ почувствовалъ живѣйшее сожалѣнiе и плакалъ съ нею.

Нанси кончила свой разговоръ сказавъ Берклею выразительнымъ тономъ: „Я умираю не недовольною, государь мой, поелику Богъ услышалъ меня. Я приближаюсь къ предѣлу моихъ несчастій, поелику я могла увѣрить васъ въ моей невинности и поелику вы вступаешесь за меня у вашего племянника; позвольте мнѣ назвать его еще разъ моимъ супругомъ; покрайней мѣрѣ вы защитите мою память опъ. . . .
Естьли бы я прежде нежели остав-

лю жизнь могла увидѣть его — я бы выплакала у него любовь къ сему несчастному ребѣнку. . . копорый бы иногда напоминалъ ему свою мать. . . государь мой! я невинна; всему виною одно только легкомысліе.“

Тутъ начала она рыдать и задыхалась отъ множества слезъ. Она съ воспоргомъ обнимала своего сына: но какіе новые удары поражаютъ ее! — „Что я вижу? Государь мой! помогите мнѣ, помогите мнѣ! Сынъ мой. . . . Умираетъ. . . . Милое дитя. . . .“

Она бросилась на него съ вѣлемъ — прижимаетъ свои губы къ оледѣнѣлымъ его губамъ: казалось, что сія несчастная мать хотѣла вдохнуть въ него свою душу: она излила все пламя материнской любви. Берклеѣ не могъ перенести

сей плачевной каршины; онъ вышелъ проливая ручьи слезъ и препоручилъ Нанси хозяйкѣ; онъ далъ ей знать, что слышитъ искашь въ деревню своего племянника, что бы привести его въ обѣщанія супруги.

Нанси впала въ обморокъ, который заставлялъ спрашиваться о ея жизни. Хозяйка хотѣла воспользоваться симъ случаемъ, что бы удалитъ отъ нее сіе дитя, которое раздражало ея печаль. „Ты не возьмешь у меня сего дитяти! нѣтъ! ты не возьмешь его! онъ останется при мнѣ. . . . на моей груди даже до той минуты, которая соединитъ насъ обоихъ. Она покрывала его поцѣлуями и омочала слезами; потомъ продолжала: его уже нѣтъ больше! нѣтъ его. . . ! Какъ онъ счастливъ! онъ жилъ мало; я сей часъ соединюсь съ нимъ. . . . Но я не вижу сего добродѣтельнаго род-

спвенника моего мужа. . . . Увы!
всѣ оставляющѣ меня, всѣ! Ты одна,
сказала она хозяйкѣ подавая ей ру-
ку. Ты одна только сжалилась надо-
мною — ты одна отдашь мнѣ по-
слѣдній долгъ. . . Скажи, что бы
послѣ смерти моей положили моего
сына въ мой гробъ. . . — Что бы
положили въ мои объятія. . . — “
Ахъ, сударыня, удалите сіи спраш-
ные идеи! Надѣйтесь всего опъ Неба.
Господинъ Баншлей скоро придетъ
къ вамъ; его дядя, который про-
нулся вашимъ соспояніемъ оставилъ
васъ для того только что бы сы-
скалъ его. Упѣйтесь! вамъ отда-
дутъ справедливостъ. . . — — „Уже
поздо. Опъ одного только Бога
ожидаю я той справедливости, въ
которой люди мнѣ отказали. . . Я
не увижу больше моего мужа. . .
Нѣтъ, я не увижу его; дядя его не
можетъ описать ему всего того,
что я перплю. . . О, Боже! чѣмъ

заслужила я такія несчастія? Я напишу къ нему. . . Опнесите ему скорѣе мое письмо. Ахъ есльи бы онъ пришелъ ко мнѣ прежде нежели я умру. . . Есльи бы я могла еще ему сказаць сколько онъ мнѣ милъ!“

Хозяйка поддерживала своими руками сію несчастную женщину, копорая дваццать разъ бросала перо и опяшь брала его; то поднимая глаза къ Небу, то опуская ихъ на бумагу омоченную ея слезами; наконецъ послѣ многихъ усилій она кончила сіе письмо и опослала къ Берклею, чпо бы онъ вручилъ его своему племяннику. Оно заключалось вѣ сихъ словахъ:

„Я узнала всѣ наружные виды прошивъ меня и это все вѣ чемъ я виновата. Твой дядя расскажетъ тебѣ всѣ подробности, копорые подпвердятъ мое оправданіе. Я не хочу —

я не могу говорить больше ни объ чемъ кромѣ объ моей любви. Я тебя не обижала; нѣтъ, никогда! я любила тебя всегда, а ты заставляешь меня умереть. Я прощаю тебѣ. И во гробѣ буду любить тебя. Мои несчастія достигли верха. Несчастное швореніе, копорато рожденіе было для меня споль злополучно — перестало жить; я уже не мать. Баншлей! я обнимаю теперь одинъ шолько шрупъ, несчастную жертву моей неразумительности — моей нескромности и швоей несправедливой ревности. . . . Но я не тебя должна обвинять. Я все сдѣлала — я одна виновата. Смерть моя опспитъ за смерть моей матери. Она мнѣ предсказала сіи удары, которые теперь поражаютъ меня! Увы! я открываю теперь глаза шолько для того, чтобъ закрыть ихъ навѣки. Силы оспавляютъ меня. Я прошу — я заклинаю тебя послѣ-

нишь увидѣшься со мною! покрайней мѣрѣ я удовлетворю тебя доказавши свою невинность; она опдастся въ моемъ послѣднемъ издыханіи. Приди любезной, несчастной супругѣ! не уже ли мнѣ не можно произнести столь любезнаго имени? Оно задерживаетъ вылепающую мою душу; поспѣши запечатлѣть на моихъ губахъ наше примиреніе, пока они имѣютъ еще чувство. . . Банплей! любезный Банплей! я тебя не увижу! смертный холодъ пронимаетъ меня. . . Вся моя жизнь убѣгаетъ отъ глазъ моихъ и опускается какъ парусъ. Я переселяюсь въ вѣчность. Оживу ли я? — Увижу ли моего супруга? Прощай, прощай навсегда. . . Ты придешь и меня небудешь больше. Какое слово! Проплей свои слезы хоть на печальные мои ошаташки — назови меня еще разъ своей супругою. Скажи, что ты прощаешь мнѣ, что ты меня

любишь. Баншлей! приложи свою руку къ моему сердцу и она почувствуетъ еще сіе засвидѣтельствованіе любви. Баншлей! ты будешь плакать обо мнѣ. . . Я умираю съ утѣшительною сею мыслию. “

Берклея просилъ сего друга, который удерживалъ въ деревнѣ его племянника смотрѣть за нимъ и примѣчать самыя малѣйшія его движенія. Онъ обманулъ осторожность своихъ надзорщиковъ, вырвался отъ нихъ и побѣжалъ къ Лорду П. . . . кошораго замокъ недалеко былъ отсюда. Пришедши къ нему онъ пребываетъ съ нимъ говорить, и не ожидаетъ отвѣта примѣпивъ его прохаживающагося въ звѣринцѣ; онъ ускоряетъ свои шаги и едва могъ выговорить сіи слова: — „Милордъ! я дворянинъ, я человекъ. Вы меня обидили и я пребую удовлетворенія. “

— И потчасъ вынимаетъ шпагу.

Лордъ отвѣчалъ спокойно : „это очень справедливо государь мой, что я долженъ опдаться вамъ опвѣщъ, еспьли я имѣлъ несчастіе въ чемъ-либо пропивъ васъ проступишься. Но вы видите меня безъ защиты. Позвольте мнѣ призвать кого-либо изъ моихъ людей, что бы онъ принесъ мнѣ оружіе.“ Въ сіе самое время Лордъ П. . . сдѣлалъ знакъ мимо проходящему слугѣ подойти къ нему. Слуга получаетъ приказъ и выполняетъ его съ поспѣшносію. „Теперь государь мой шпага сія дѣлаетъ насъ равными; но прежде нежели начнемъ мы рѣзаться — сдѣлайте милость обьясните мнѣ причину вашихъ жалобъ и ваше имя: Англичане никогда не бьются такъ какъ наши въпренные сосѣди. — “ Мое имя? — вы его узнаете тогда, когда я просверлю вамъ сердце, или когда ваша шпага будетъ вонзена въ груди моей. Вы опняли у меня

мой покой, мою честь, любовь жены, которую я обожаю. „Не вы ли господинъ Баншлей?“ Ахъ! вы его слишкомъ обидели, что бы не знать его! „О Небо! что мы дѣлаемъ! вскричалъ Лордъ; государь мой, моя честь оправдана. Если бы я чувствовалъ себя виновнымъ хотя въ самомъ малѣйшемъ дѣлѣ, вы были бы уже удовлетворены. Но я вижу, что могло васъ такъ оскорбить. Подлые наговорки Лади Белтонъ дошли до вашихъ ушей. Это самое адское злословіе! ваша жена есть сама добродѣтель, и если вы не вѣрите тому, что говорю вамъ самый опроверженный Англинскій дворянинъ, то сіе письмо докажетъ вамъ это.“

Лордъ вынимаетъ изъ своего кармана обстоятельнѣйшее письмо отъ Лади Белтонъ, онъ подаетъ его Баншлею съ тѣмъ, что бы онъ

чишалъ оное въ его присудствіи. Сіе письмо было самымъ достовернымъ оправданіемъ для Нанси. Лади Белпонъ признавалась здѣсь, что она, дабы опмспитъ супругъ Банплея, копорая всегда обходилась съ нею слишкомъ гордо, успѣла увѣришь ея теспя, что его невестка любима Лордомъ П. . . что и она опвѣчаетъ его любви; она присовокупила къ сему, что она всегда почитала Нанси самою почтеннѣйшею женщиною, и кончила свое письмо прося Лорда объявить всѣмъ свое признаніе, копорое было очень слабое заглаженіе шѣхъ злодѣйствъ, копорыя она сдѣлала.

Миниспръ, достойный своей степени, — совѣсть — сдѣлалась владыкою сей души запятнанной злодѣянїями, она произвела въ ней раскаяніе и эшо письмо было первое доброе ея дѣло, копорое произвело счастливую перемену.

„Она невинна, вскричалъ Банплей бросивъ свою шпагу! Никогда добродѣшель небыла сполько шверда...“ Я вамъ опкроюсь чистосердечно; я много разъ видѣлъ вашу жену прохаживающуюся въ паркѣ; она вдохнула въ меня сильнѣйшую спрасть; сіе чудовище Белшонъ описывала мнѣ ее совсѣмъ другими черпами: я сдѣлалъ планъ; достойная ваша жена вмѣсто чувствъ для ее оскорбительныхъ поселила во мнѣ почпеніе къ себѣ и удивленіе. Я ее однако не переставалъ любить; но я обѣщалъ ей никогда ее невидѣть и оказывать ей одно почпеніе и уваженіе и сдержалъ свое слово. Супругъ Нанси родился для шого, что бы быть другомъ Лорда П... „Ахъ Милордъ! что я сдѣлалъ? уже прошло восемь дней, восемь вѣковъ какъ я ее невидалъ, и она можетъ быть умираетъ жертвою моихъ подозрѣній, моей ревности, моей ужасной

ревности; а дитя мое. . . . Милордъ! я васъ оставляю прося у васъ вашей дружбы — на мою вы имѣете великое право. Вы мнѣ возвратили жизнь, счастье, все. . . . “ Спешите скорѣе прервалъ Милордъ; лепите на помощь къ сей несчастной. Если бы вы могли загладить вашу несправедливость!

Берклей тотчасъ узналъ гдѣ находился его племянникъ; онъ уже приближался къ замку какъ вдругъ видитъ Баншля бѣгущаго къ нему: — „Что мы сдѣлали? Нанси невинна. — Я знаю все; она достойна имени моей супруги. И сіе милое дитя? . . . “ Ты его лишился отвѣчалъ Берклей. Сама Нанси лежитъ уже полумертва и она нечувствуетъ за собою ничего порочнаго. Спѣши, спѣши возвратишь ей жизнь. Вотъ письмо, которое она поручила отдать тебѣ.“

Баншлей пожиралъ глазами сіи спроки, неговорилъ ни слова своему дядѣ и, побѣжалъ взявъ почповыхъ лошадей и скорѣе, нежели въ шесть часовъ, доѣхалъ, или лучше сказать, долетѣлъ къ дому своей жены. Едва вступилъ онъ въ комнату: — „Гдѣ она? гдѣ моя милая Нанси? гдѣ моя милая супруга? пустьъ я увижу ее! пустьъ я упаду къ ногамъ ея! пустьъ она дастъ мнѣ прощеніе!“ Онъ бросается на шѣло Нанси. Въ какомъ положеніи представляется она его взорамъ? ожидающею послѣдней своей минушы, держащею слабою рукою своего ребѣнка, безчувственною. Онъ призываетъ ее; прижимаетъ ее къ своей груди съ выраженіями любви и горести: „Нанси, моя милая Нанси!“ Онъ плачетъ надъ нею, надъ своимъ сыномъ, она раскрыла глаза и едва выговорила, сжимая руку своего мужа и бросивъ на него нѣжный взоръ, сіи слова: „эпо ты Баншлей!

вопѣ твое диня!“ И въ ту же мину-
ту испустила послѣднее дыханіе ,
опустивши голову свою на грудь сво-
его супруга. Банплей издаетъ ужа-
сной крикъ. Никогда не было столь
прогипельной и столь ужасной кар-
пины дѣйствія любви и опчаянія.
Онѣ держалъ свою жену крѣпко въ
своихъ объятіяхъ. Онѣ вылъ рыдая.
Его насильно отвлекли отъ сего
плачевнаго жилища, но помѣшаннаго
уже въ умѣ и въ ужасныхъ конвуль-
сіяхъ. Наконецъ дядя немоги его
удержать у себя, принужденъ былъ
опдать его въ Бедламъ *) между
низкой толпы несчастныхъ , копо-
рые осуждены влечить иго скоп-

*) Бедламъ, такъ называемый Бедле-
емъ, обширное и красивое зданіе ,
которое Лондонскіе Граждане вы-
строили для заключенія сумасшед-
шихъ обоюго пола. Сія больница
имѣетъ великіе доходы и очень
хорошо надсмащривается.

скаго быпія и которое ясно показываешъ намъ, какому униженію и какому презрѣнному состоянію подверженна природа человѣческая. Иногда Банплей погрузившись въ безчувственную задумчивость держалъ глаза вперенными въ землю, которую кропилъ онъ своими слезами. Онъ проспавалъ цѣлые часы въ шапкой глубокой меланхоліи. То вдругъ начиналъ бѣгать съ разпрепанными волосами, съ блуждающими глазами и, казалось, грозилъ убивать кинжаломъ все то, что ему не попадется, хотя въ прочемъ неимѣлъ онъ въ рукахъ никакого оружія, или въ сильныхъ вопляхъ призывалъ онъ свою супругу; наконецъ онъ впадалъ въ безчувствіе, которое походило на смерть.

• Говорятъ, что онъ иногда выходилъ изъ своего заблужденія. Онъ казался спокойнымъ и спрашивалъ

у перваго ему на встрѣчу попадающагося извѣстія о Нанси: „Она меня не любила говорилъ онъ, она меня не любила! я ей причинилъ много горестей! но она однако никогда не была для меня мила. Ахъ! я прошу васъ, всунитесь у нее за меня. Пусть она проситъ мнѣ мою несправедливость. Пусть я умру у ногъ ея.“ Были минуты, когда онъ думалъ что ее видитъ, съ восторгами предавался своему мечтанію пропячивая руки. „Моя милая Нанси! приди, приди въ объятія своего супруга! я вижу тебя! я обладаю тобою! я теперь счастливѣйшій изъ всѣхъ смертныхъ!“ Въ ту же минуту оставлялъ сіи утѣшительныя мечты и представлялъ ужасное зрѣлище; — „она умираетъ! помогите! Нанси открываетъ глаза. . . Въ послѣдній разъ я обнимаю тебя: Нанси, Нанси! выслушай меня. Нѣтъ, ты уже не можешь; я варваръ, я

чудовище, которое должно испре-
бишь.“ Тогда рвалъ онъ на себѣ
волосы, билъ себя спрашно въ грудь,
раздиралъ ногтями все шѣло; бро-
саясь спремешельно челомъ о землю
и валялся въ крови своей. Естли
онъ погруженъ былъ въ произволь-
ную свою безчувственностъ, тогда
онъ нехотѣлъ отвѣчать ни на какіе
вопросы, которые ему давали. Естль
ли же произносили одно имя Нанси,
потчасъ онъ поднималъ голову: —
„Нанси? — Гдѣ она? Пусть я ее
увиджу?“ Онъ жилъ больше двухъ
лѣтъ въ семъ плачевномъ состоя-
ніи. Берклей часто посѣщалъ его:
и всегда какъ скоро сей несчастный
усмапривалъ его, спрашивалъ: —
„видѣлиль вы Нанси?“ Дядя думалъ
его навешть на умъ, говоря всегда съ
нимъ о его супругѣ и, сіи разговоры,
можешъ быть, больше еще раздра-
жали его болѣзнь. Не задолго передъ
своею смертію, онъ провелъ на спѣнѣ

своей комнашы, нѣкоторыя чершѣ едва опшѣненные, шакѣ какѣ будто бы хотѣлѣ онѣ оприсоватѣ пог шретѣ своей жены; глаза его всегда обращались на сіе мѣсто. Онѣ часпо приводилѣ шуда и губы свои, проливая слезы. При концѣ дней его не могѣ никто допросишья у него ни слова, хошя и упошребляли средство, кошорымѣ обшкновенно пользовались напоминая ему Нанси. Онѣ непринималѣ никакихѣ средствѣ, кошорые ему давали, и умерѣ наконецѣ, имѣя глаза обращенные на тѣ чершты, кошорыя онѣ провелѣ, и произнеся слабымѣ голосомѣ имя своей супруги.

К О Н Е Ц Ъ.